Задонский паломник

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

№ 72 2009 год

Альманах издается по благословению Его Преосвященства Преосвященнейшего Никона, епископа Липецкого и Елецкого

Выходит с декабря 2000 г.

Учредитель:
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь Липецко-Елецкой епархии Русской Православной Церкви

Адрес редакции:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.
Телефон: (47471) 2-49-55

При перепечатке ссылка на «Задонский паломник» обязательна

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

Просьба не использовать издание в хозяйственных целях

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство:
ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

СОДЕРЖАНИЕ:

2 **БУДЕМ ВОЗРОЖДАТЬСЯ ДУХОВНО**
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

5 **НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Келейные письма. Письмо двенадцатое

7 **ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ**
Избранные главы

9 **СВЕТИЛЬНИК В ГОДЫ ТЬМЫ**
Епископ Сергий (Никольский)

12 **ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ**
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

17 **ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ**
Из бесед с кавказским пустынником
«Апокалипсис в нашей жизни», ч. 3

21 **ИСТОРИЯ УСМАНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ**, ч. 2

23 **ХРИСТИАНСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ В РАСКРЫТИИ СВТ. ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Иеромонах Николай (Павлык), ч. 2

26 **ЮРОДИВЫЙ ГРИШКА**
Протоиерей Николай Агафонов

31 **ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ**

32 **ЦАРСКАЯ ОДЕЖДА**
Детская страничка

Будем возрождаться духовно

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Елецкий Знаменский женский монастырь, 21 декабря 2008 г.

«*Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою во славе моей*» (Пс. 107, 2), — так восклицал святой пророк Давид, когда сердце его было преисполнено благодарностью и любовью ко Господу, к прославлению Его и соединению с Ним.

Каждый храм прославляет Бога. Каждый человек является храмом Духа Святого, поэтому тоже должен прославлять Бога. Ведь как все нормальные чада любят и почитают своих родителей, благодарят их и утешают их в старости, потому что они дали им жизнь, воспитали, выучили, направили к Богу, к храму... Также и мы должны своего Родителя любить и почитать. Бог есть Свет, и в Его свете мы всегда идем и разные жизненные препятствия преодолеваем. Во свете Христа мы не споткнемся. Родитель наш — Любовь, любовь неизреченная.

Святые подвижники знают, что такое любовь к Богу и Бога к человеку. Когда мы любим что-то на земле, то, может быть, любим по своей страсти, по своим наклонностям или по интересу. А Господь в нас ничего не находит — только одну грязь, одни грехи... И всё равно любит нас. И Священное Писание говорит: «*Егда забудет жена отроча свое... но Аз не забуду тебе, глаголет Господь*» (Ис. 49, 15). И Он действительно не оставляет нас. Ведь мы это видим, чувствуем — Господь всегда с нами. Если бы Он нас оставил, то бы и храма здесь не было, и обитель эта не возродилась бы. И приходы, и монастыри как лежали в руинах, так и остались бы лежать. Господь всегда с нами. Господь — сама милость. Он милует нас, несмотря на то, что многие годы безбожия мы или наши предки и оскверняли и разрушали храмы, кощунствовали, уни-

жали Его, оскорбляя Его Божественное величие.

И, дорогие мои, всё равно Он любит нас! И как Священное Писание говорит: «...*яко солнце сияет на злыя и благия, дождит на праведныя и на неправедныя*» (Мф. 5, 45) — Он всегда милует нас. Ведь посмотрите, солнце светит и убийце, который задумал что-то сделать страшное, и рабам Божиим, и всем, кто живет на земле. И духовное Солнце — Господь наш Иисус Христос светит всем, не переставая. Он сказал: «*Аз есмь путь и истина и живот*» (Ин. 14, 6). Он — наша жизнь и жизнь вечная!

Но мы часто приходим в храмы и монастыри посмотреть на фрески, на иконы, на иконостас, на золото, на красивые лики святых... А должны приходить за Жизнью, чтобы Господь оживотворил наши души. Вот это мы почему-то часто забываем. Слишком увлечены своей жизнью, своими проблемами и суетой. Мы бьемся, стараемся наладить свою жизнь, поправить здоровье. Стремимся семью как-то вывести из тупикового состояния, но ничего не получается. Помните, как жена кровоточащая «*врачем издавши все имение, и не возможе ни от единаго исцелети: и приступльши созади, коснуся края риз Его: и абие ста ток крове ея*» (Лк. 8, 43-44). Она тоже старалась наладить свою жизнь, издержала на врачей все свое имение, но ничего не получила... пока не пришла ко Христу с верою и прикоснулась *риз Его*. Мы тоже приходим в храмы и просим Бога, а нам не дается. «*Просите, и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших иждивете*» (Иак. 4, 3), — просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений — так говорит апостол. А все из-за того, что «*земная мудрствуем*» (ср. Флп. 3, 19).

И только когда приходим к Богу, когда начинаем плакать пред Ним о своих грехах и грехах своих ближних, когда начинаем искать горнего и просить о своем спасении и спасении своих чад, своих близких и родных, тогда Господь постепенно, но не сразу(!)

подает нам блага. Постепенно, чтобы мы привыкали к молитве, к просьбе и покаянию.

Иисус Христос сказал нам: *«Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется»* (Мф. 7, 7-8). Надо трудиться, не переставая, изо дня в день! Неотступность наша к Богу совершает великие чудеса. И когда у нас появляется навык к молитве, к покаянию, к доброделанию — Господь исцеляет нас, а затем и наших близких. И далее мы продолжаем идти к Нему уже не с просьбой о помощи, а с благодарением. Как и восклицал пророк Давид: *«Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою во славе моей»*.

Пророк был всегда готов воспевать Богу всем сердцем. А разве у него не было скорбей? А разве он не перенес страдания? Когда его сын заболел и был при смерти, он воздыхал: *«Измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу»* (Пс. 6, 7). Он плакал. А другие события из его жизни?.. Но он всё преодолел, потому что уповал на Бога, он говорил: *«Предзрех Господа предо мною выну: яко одесную мене есть, да не подвижуся»* (Деян. 2, 25). И приготовил себя для встречи с Богом.

А готово ли наше сердце, чтобы прославлять Бога? Думаю, что нет. Потому что, если бы имели в сердце Бога — жили бы Божией жизнью. Но в сердце у нас суета сует: и помыслы, и желания, и стремления к мирскому, плотскому, к славе, к стяжанию... Мы любим телевизор, роскошь, наряды, комфорт во всем, богатство, славу... А от этого всего нужно избавляться.

И вот, дорогие мои, в храм мы должны идти чистыми. Но если мы всё же приходим сюда, а сердце наше заполнено разными суетами житейскими, то для этого существует Божественная служба, чтобы соборной молитвой, в Таинствах исповеди и причастия — соединения с Господом, мы врачевали себя от всех сквери и пороков. Как та кровоточивая прикоснулась ко Христу и исцелилась. А мы в таинстве причастия принимаем в себя

Самого Господа! Храм есть дом Божий — как же он приятен нам, когда мы чувствуем присутствие Бога здесь, когда на нас изливается Божия благодать!

Сейчас такое время, когда мы много строим и восстанавливаем храмов, но чтобы искать горнего, чтобы плакать о нашем недостоинстве, чтобы молиться и прославлять Бога в своем сердце — как нам этого не хватает. *«Потому что вы есте храм Духа Святаго»*, — говорит Господь. Вот это самое главное — мы являемся Церковью. Церковь — это общество православных христиан, верующих в Господа нашего Иисуса Христа. Можно много построить храмов, а чтобы быть Церковью Христовой, нужно себя освятить, приуготовить как невесту для встречи с Женихом.

Да, первоначально мы были освящены через Таинство Крещения. Это действительно нас приготовило для встречи с Богом. Ну а затем, живя в мире и увлекаясь всем тем, что есть в мире, мы все потеряли. А Господь через апостола Иоанна Богослова сказал: *«Не любите мира, ни яже в мире»* (Ин. 2, 15-16). А в мире есть что? *«Похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская...»* И когда мы сейчас наблюдаем мир, то мы действительно вспоминаем слова Божии: *«Похоть очес»*. Мы зреним сейчас чего только не видим! Ну, а что сказать о гордости, ведь никто из нас не хочет быть униженным, никто не хочет стоять на коленях. Все мы стремимся возвеличить себя. Вот в этой гордости диавольской мы и отходим от Бога. Превозносим себя, садимся сами на Престол Всевышнего и начинаем судить — этот плохой, а этот еще хуже, а тот вообще не человек и т.д.

Дорогие, мы должны любить друг друга, потому что мы единая семья! И наши слабости мы должны покрывать любовью: если видим, что кто-то пал, кто-то не той жизнью живет, мы должны не осуждать такого человека, а постараться помочь ему избавиться от его порока. Помните, что говорит Писание: *«Братие, аще кто в вас заблудит от пути истины, и обратит кто его, да весть, яко обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу от смерти, и покрыет множество грехов»* (Иак. 5, 19-20). А у нас часто бывает так, что жена или муж блудит, один из них приходит и говорит: «Владыка! Ну что делать? Я не могу жить с блудницей или с блудником». А я говорю: «А кто его привел в это состояние порока? Кто виноват?» Ведь мы же знаем, читаем книги — не человек виноват, а диавол, который увлекает человека и приводит его в

сах, где и отечество их сокровенное есть, — на него взирает, к нему стремится и достичь старается, и потому в мире ничего не хочет: ни чести, ни славы, ни богатства, ни сладостей, чего сыны века сего ищут, и ни к чему не прилагает сердца своего, и все — пищу, питье и прочее ради нужды и немощи плотской употребляет, и крайне опасается, чтобы небесного наследия не лишиться. Поэтому *со страхом и трепетом совершает свое спасение* (Флп. 2, 12).

Словом, верное сердце в мире этом пребывает как путник на пути, как странник и пришелец на чужой стороне, как изгнанный от отечества и дома своего, *ибо не* имеет *здесь постоянного града, но* ищет *будущего* (Евр. 13, 14), которого *художник и строитель Бог* (Евр. 11, 10).

Итак, видишь отчасти, что такое истинная и живая вера, то есть та, живость которой от действий и дел добрых показывается. Этой живой вере противополагается мертвая вера, о которой святой апостол Иаков написал: *Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва* (Иак. 2, 26). Мертвую веру имеют те, которые христианское имя имеют, но не по-христиански живут; чают, или говорят только, что написано в Символе: «чаю воскресения мертвых», но противно вере в воскресение мертвых живут; слышат в Писании о вечной жизни и славе ее, но к мирским вещам, чести, славе, богатству, роскоши прилепились и мир этот за отечество и рай себе поставляют. Мертвую веру имеют те, которые в приданое дочерям своим многого богатства не жалеют, а ради имени Христова просящему или ничего не дают, или копейкой и мелкой монетой довольствуются. О таковых апостол Иаков говорит: *Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь, — но не даст им потребного для тела: что пользы (Иак.* 2, 15-16)?

Таковые люди живут для мира и прихотей своих, ибо им угождают, а не Богу, Которому не угождают послушанием. Для Бога они мертвы, хотя и живут. Как? Рассуждай. Как мертвый не слышит и не внимает, что ему ни говорится, так и этим духовным мертвецам, что ни говорит Бог в Писании, не внимают тому. Слово Божие для них, как для глухого пение, и как бы к другим, а не к ним слово говорится.

Мертвая вера тогда в человеке оживляется, когда в нем оживляется Божие Слово, и начнет человек в себе мыслить, что и ему Бог в Писании Своем говорит и повелевает, как и прочим людям, и по слову Его святому начнет нравы свои исправлять, а о прежней жизни неисправной с истинным сожалением и сокрушением сердца будет каяться. Ибо всегда истинной и живой вере предшествует истинное покаяние и обращение от греха к Богу. Без такого покаяния и обращения веры истинной не может быть. Почему и сказано Спасителем: *Покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 15).

Видишь, что вначале полагается покаяние, а потом вера. Истинное покаяние, которое заключается в том, чтобы возненавидеть свою прежнюю греховную жизнь и истинно о ней сокрушаться и сожалеть, очищает сердце и приготавливает его к восприятию веры во Христа, в Евангелии проповедуемого, Которого кающееся сердце как своего Искупителя принимает и Его благодатью утешается. Спасайся.

О СМИРЕНИИ И ЛЮБВИ К БЛИЖНИМ

Однажды я сказал отцу Порфирию:

– Геронда, я не могу работать вместе с этим братом... он постоянно ропщет.

– Чадо мое, в тебе есть эгоизм. Ты это знаешь? Отсюда все твои беды.

– Я это знаю, Геронда, эта страсть у меня с детства. Помолитесь, чтобы Бог даровал мне в сердце смирение.

– Когда в сердце есть святое смирение, тогда оно все видит по-доброму и живет в Нерукотворной Церкви Божией уже сейчас.

Но это не то смирение, которое заключается в смиренных словах, и не то, о котором мы думаем, что мы его достигли. Святое смирение является Божиим даром душе. Его дает Бог, когда найдет чистое сердце, готовое принять его. Тогда душа с благодарностью взирает на Бога и устремляется к Нему.

Итак, ты не говори: «Он постоянно ропщет, он все время ворчит, он гневается» и т.д. Не говори: «У меня с ним нет никакого контакта и никогда не будет».

Это не выход из положения. Это не по-православному, не по-христиански. Поступая так, ты далеко отстоишь от любви Божией, ты отделяешь себя от благодати Божией, потому что ты отделился от твоих братьев.

Наоборот, не замечай их слабости, не подражай их немощам, так ты станешь единым с ними в совместных послушаниях. Что они хотят делать и как хотят... Так хотят? Хорошо, так. По-другому? По-другому. Так рушатся стены, отделяющие нас от наших братьев. Так мы соединяемся со Христом.

Чем ближе ты каждый день соединяешься со своими братьями, тем глубже таинственно входишь в любовь Христову.

Старец Порфирий
Кавсокаливит
«ЦВЕТОСЛОВ СОВЕТОВ»

женную борьбу с неверием».

Правда, вскоре единомышленникам пришлось расстаться. Епископ Арсений в 1926 был выслан в административном порядке в Нижегородскую губернию, а викария Ефремовского «в период между 1925 г. и 1927 г. вызвали в Москву, где заключили в Бутырскую тюрьму. Через некоторое время он был освобожден». Владыка хотел вернуться в полюбившийся ему Ефремов, но власти не допустили этого и он уехал в Задонск.

Ошибочно сообщается, что «в Задонске епископ служил настоятелем Скорбященского женского монастыря». На самом деле, как мы уже сообщили выше, он лишь квартировал у регентши Смарагды (Ковшовой) в этой обители, сохранившей верность Патриаршему престолу и почившему Первосвятителю. Здесь, в Троицком храме, и совершал службы владыка Сергий. И собирались сюда не только местные. «Многие верующие приезжали к нему в Задонск из Ефремова», — говорится в биографической справке.

Примечательна такая деталь, сохранившаяся в памяти духовных детей владыки: «Кафедральный собор в Задонске принадлежал обновленцам. Проходя мимо него, епископ совершал поклон на собор, но туда не входил». В Задонске, в Успенском соборе, в это время действительно была обновленческая епископская кафедра. Но, видимо, все же речь идет о Богородицком монастыре, подлинном центре церковной жизни Задонска, также захваченном обновленцами.

По осени 1927 года владыка Сергий, так полюбившийся православным задонцам, оставил наш город, будучи вызван в Москву. «Он попросил позволить ему ехать в Москву через Ефремов. Ему разрешили это, но остаться в Ефремове он мог только ненадолго, и ему не разрешили там служить. Двумя или тремя днями позже он должен был ехать в Москву. На вокзале его провожали тысячи верующих».

В Москве в конце 1927 года епископ Сергий был поставлен епископом Бузулукским, викарием Самарской епархии. Но осенью 1929-го монахиня Смарагда вовсе не ошибалась, говоря, что уехал он «в Уфу».

Дело в том, что недолгим было служение Бузулукского викария епископа Сергия. В знак несогласия с известной «Декларацией» Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского), призвавшей к сотрудничеству с Советской властью, викарий Бузулукский отказался от своего епископского служения, и тут же был арестован. 28 сентября 1928 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ, признав справедливым обвинение в антисоветской агитации, вынесло епископу Сергию приговор: «3 года лишения права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе с прикреплением к определенному месту жительства». Этим местом и стала Уфа.

Здесь владыку, примкнувшего к одному из «антисергианских» течений, вновь арестовали — 25 марта 1930 года. На этот раз его судьбу решала тройка при ПП ОГПУ СССР по Средне-Волжскому краю, всего через месяц после ареста. За «участие в церковно-сектантской организации, по заданию которой занимался контрреволюционной деятельностью» владыка Сергий был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

Его земной путь завершился 16 мая 1930 в Оренбурге, на горе Маяк, где в Великий Четверг принял епископ Бузулукский Сергий мученическую кончину, разделив ее со священником Ерастом Курдюковым, иеродиаконом Львом и схимонахом Мартирием. Вечная им память!

Л. МОРЕВ

Автор выражает особую благодарность руководителю отдела по канонизации Уфимской епархии Н. П. Зиминой за предоставленные материалы и любезное согласие поделиться с читателями «Задонского паломника» дополнительными сведениями о так полюбившемся задонцам епископе Сергии.

Из наставлений схимитрополита Серафима (Мажуги)

Митрополит Зиновий (Мажуга, в схиме — Серафим) сказал монаху, который спросил его, как спастись: «Когда ты находишься один в келии, то твори Иисусову молитву и отгоняй все помыслы, не только худые, но и добрые. Безмолвие монаха — это свобода от помыслов. Если будешь поступать так, то увидишь Промысл Божий в своей жизни». Говорил еще: «Послушание выше любви, так как любовь без послушания оказывается страстью, а послушание, очищая душу человека, ведет ее к любви духовной. В гордом и непослушном сердце нет и не может быть любви; это самообман».

Митрополит Зиновий сказал: «Невозможно, не исполнив послушания, сохранить душевный мир. Теряя послушание, монах теряет покой».

Митрополит Зиновий рассказывал: «Когда я пришел в Глинскую обитель, то там еще жили монахи, которые знали наизусть Новый Завет и Псалтирь. Один из них, слепой монах-псаломщик, ежедневно на литургии читал Апостол по памяти и ни разу не ошибся; он выходил на середину храма с зажженной свечой, а после чтения тушил ее и поднимался на клирос. Однажды свеча погасла во время чтения, и когда он по привычке стал гасить ее, то мы, молодые послушники, догадались, что старец был слепой. А теперь появился новый вид монахов, которые ни разу не прочитали Новый Завет от начала до конца, но зато они в курсе политики и знают, какие телепередачи по каким каналам идут, о чем пишут в журналах и газетах; они, бедные, сами того не понимают, что лишили себя духовной радости — этого богатства монахов, и проводят жизнь в теплохладности; их ни монахами, ни мирянами не назовешь».

Архимандрит Рафаил (Карелин)
«НА ПУТИ ИЗ ВРЕМЕНИ В ВЕЧНОСТЬ»

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Из воспоминаний рабы Божией Марии, г. Таганрог

Отца Виталия я впервые увидела, когда мне было лет девять. Он в то время еще не был священником и к нему обращались «брат Виталий». Жил он у нас в Таганроге.

Одна раба Божия, которая его знала, пообещала моей маме, что познакомит нас с ним. В тот день, когда мы к нему пришли, он долго беседовал с нами, но я, конечно, уже не помню, о чем именно велась речь. Врезалось в память только то, что он учил нас, как правильно прикладываться ко кресту и к Евангелию.

Когда мы собрались уходить домой, оказалось, что уже час ночи. Та раба Божия, что нас привела, говорит: «Брат Виталий, уже ведь поздно – ночь». А он отвечает: «Идите спокойно – никто вас не тронет. Встретится только один раб Божий, да и тот пройдет мимо вас мирно». А маме на прощанье сказал: «У вас семья неверующая-неверующая! – и протягивает ей пять яблок. – Каждое утро по кусочку режьте и давайте натощак всей семье». Я еще тогда подумала: «Какие же мы неверующие?! Раз в год ходим в Великий пост причащаться!» – хотя не всегда даже и это делали... Мне брат Виталий сказал: «Ну, что ж тебе подарить? Что тебе подарить?» На столе стоял большой кулек черешни – и он с любовью дал мне ее. Сколько же у меня было радости – от самого брата Виталия подарок получила!

Распрощались мы и пошли. По дороге нам, как и предсказало, Виталий, встретился какой-то мужчина. Но он спокойно миновал нас, и мы благополучно добрались до дома.

Через некоторое время моя бабушка взяла меня с собой в храм. Мне там очень понравилось. И с тех пор я частенько стала с ней там бывать.

Прошло месяца два. Однажды меня вдруг сильно потянуло сходить к бабушке (мы жили с ней на разных улицах). Я отпросилась у мамы и пошла. Иду – дорогой почему-то смотрю: крестик на мне? На мне. Прихожу к бабушке, а там у нее мать Мария (впоследствии – схиигумения Серафима, Батюшкина келейница) и брат Виталий! Сидит – обувь чинит. Я не ожидала его увидеть – смутилась, как-то мне стало неловко. А он говорит: «Нет-нет! Все хорошо! Вот только плохо, что у нас нет крестика». Я думаю: «Как нет?! Ведь только что

на мне был!» Посмотрела – и правда нет! Я сразу к бабушке: «Бабушка, я крестик потеряла!» Слава Богу – нашелся другой, и я его надела...

Еще из моих детских воспоминаний осталось в памяти, как отец Виталий уезжал из Таганрога, и мы пошли его провожать...

В следующий раз я увидела брата Виталия, когда мне было уже шестнадцать лет. Он в то время подвизался в горах Кавказа, в пустыни. Повезла меня к нему все та же раба Божия Раиса. Когда мы ехали на автобусе из города Сухуми в горное селение, то по обеим сторонам дороги были ужасающие обрывы – мне казалось, что это такие пропасти, что и дна не видно! А дорога узенькая – наверное, если бы нам встретился другой автобус, мы бы ни за что не разминулись. Меня сковал неописуемый страх: казалось, еще чуть-чуть – и мы будем в этой бездне! Я даже глаза закрыла, думала: «Если будем падать, так чтоб я этого хоть не видела». Потом мы поднимались пешком по горам к монашеским кельям. Слава Богу – благополучно добрались. И там нас встретил брат Виталий.

С той поездки у меня остались незабываемые впечатления...

В пустыньке мы выполняли различные послушания: заготавливали на зиму дрова – рубили, потом складывали. Однажды у меня соскользнула рука и угодила под киянку (это такая большая деревянная кувалда, которой ударяли по топору). Попало мне по руке – по ладони. Брат Виталий увидел: «Ой, как больно!» – а сам, видно, помолился. Я говорю: «Да совсем не больно!» – действительно, я не почувствовала никакой боли...

Мне хотелось, очень хотелось, чтобы брат Виталий дал мне четки – он сам их плел. Но было стыдно у него попросить. И вот я про себя начала молиться: «Матерь Божия, управь так, чтобы брат Виталий дал мне четки!» В тот день прошел дождик – мы сидели в келье. Потом выглянуло солнышко, и брат Виталий сказал: «Пойдемте немножко потрудимся». Вышли на улицу, начали работать. Через некоторое время брат Виталий спрашивает у меня: «Сестра Мария, если я сейчас дам тебе четки, куда ты их денешь?» Я подумала и ответила: «На шею повешу». И он дал мне четки, сказав: «Береги их». Они у меня сохранились до сих пор – пустынные батюшкины четки...

Батюшка и меня хотел научить вязать. Но одна раба Божия возразила: «Я ее дома научу». Когда же приехали домой, и она пыталась мне что-то показывать, то я плохо понимала. Тогда она начала мне выговаривать: «Ты такая, что ничего не понимаешь – я не могу тебя учить!» Мне стало очень скорбно, и я ответила: «Как же так? Ты и отцу Виталию не дала меня учить, и сама не научила». Вот что значат самонадеянность и прекословие старцу.

Как-то раз, когда мы жили в пустыньке, брат Виталий поднялся на возвышенность и позвал меня. Пропел «Богородице Дево, радуйся» и говорит: «Ну, сестра Мария, давай – пой теперь ты». Я в ответ: «Да я ж не умею!» А он настаивает: «Давай, пой!» И (конечно, по его святым молитвам) я пропела, хотя петь я, действительно, не умею. Потом он сказал, что надо было учиться, ходить на клирос.

А в другой раз, когда собралось в пустыни несколько сестер из Таганрога и все после работы сели на бревно отдыхать, отец Виталий стал петь молитвы. Я молчу. Он спрашивает: «Ты что молчишь?» Я отвечаю: «Не умею петь». Он говорит: «Пой». Я запела, да не туда. Одна раба Божия замолчала. Он спрашивает ее: «Что ты замолчала?» Та отвечает: «Мария меня сбила!» Ну и я замолчала. Брат Виталий говорит мне: «Ты, сестра Мария, пой. Хоть как корова мычи, но славь Господа». Еще он поучал нас: «Когда поет верхний хор – если ты хочешь у них поучиться, то петь надо только про себя. А если поет нижний хор, и ты хочешь научиться – пой с ними, но тише остальных, чтоб тебя никто не слышал».

Как-то раз носили мы в пустыни дрова, закончили – присели отдохнуть. Отец Виталий вдруг говорит мне: «Сестра Мария, пойди в келью и принеси...» – что именно он просил, я уже забыла. Пошла я в сторону кельи. Помню, что она была недалеко, но отошла я немножко, посмотрела туда, посмотрела сюда – и не знаю, куда дальше идти! Прошла еще чуть-чуть – кельи не видно. Ия побоялась идти вперед, чтобы совсем не заблудиться. Возвращаюсь, чуть не плачу: «Отец Виталий, я заплутала – никак келью не найду». Тогда он говорит одной сестре: «Ну, проведи ее». Когда мы с ней пошли, келья оказалась рядом! Как я ее не нашла?.. Удивилась я, но ничего не поняла. А ведь это, наверное, было попущено за то, что много было самонадеянности: дескать, «за что ни возьмусь – всё сделаю!» Но Господь меня таким образом смирил.

Однажды нам понадобилось переправиться из ближней пустыни в дальнюю. Для того чтобы это сделать, надо было пройти мимо огромного дерева, которое росло над самой пропастью. Чтобы его миновать, нужно было аккуратно одной ногой наступить около самого ствола и перескочить на другую сторону – прямо над пропастью! Там было так мало места, что делать это приходилось буквально на цыпочках. Брат Виталий первый перескочил и протянул нам руку. Все по очереди стали перебираться. Когда подошла я, то страх у меня был такой, что просто невозможно передать! Думаю: «Все, сейчас я упаду!» Он подбадривает меня: «Не бойся! Не бойся! Давай, давай мне руку!» Когда я (конечно, по его святым молитвам) перешла, он и говорит: «Ну, сестра Мария, вот если бы ты упала? – взял и бросил в эту пропасть камешек. И он летел и летел туда!.. – Сестра Мария, если бы ты туда упала, думаешь, я за тобой не побежал бы? Побежал!» До меня только после дошло, что он сказал это не только о буквальном, но и о духовном падении – сердце его так болело за всех нас, что он готов был, как евангельский добрый пастырь, без боязни спуститься в любую пропасть, чтобы спасти погибающую овцу.

Добрались мы до дальней пустыни – там жили монахини, были среди них и схимницы. Мы принесли им продукты и, кроме всего прочего, соленую рыбу. Брат Виталий ее порезал и всем раздал. Мне досталась голова. Тут же меня потихоньку предупредили: «Смотри! Ты сидишь рядом с братом Виталием – кости от рыбы на стол не клади, потому что он сразу их будет кушать!» И я сижу, держу в руках эту голову и не знаю, как себя вести. Немного поела и сижу. Одна из матушек, видя мое смятение, говорит мне: «Ну, давай, давай ее сюда». Конечно, не надо было без благословения брата Виталия отдавать, но я об этом не знала – протягиваю ей голову. А брат Виталий посмотрел на меня и строго так говорит: «Сестра Мария, это ты так поела?» Я отвечаю: «Да» – «Я тебе больше никогда не дам!» А я думаю: «Хм! Он мне не даст! Ну и не надо: я домой приеду, у нас там столько соленой рыбы!» А потом уже, когда я приехала к схиигумену Г. и все ему рассказала, он мне объяснил: «Это же по-духовному было сказано!» – то есть о. Виталий воспитывал меня, но я тогда не придала этому значения...

Помню и такой случай. Когда мы пришли в пустыньку и начали готовиться к отдыху, брат Виталий мне вдруг говорит: «Сестра Мария, ты ляжешь на печку», – а это было его место: когда он приходил сюда, то ему всегда оставляли именно печку. Все переглянулись – были в недоумении. А я вздумала прекословить. Тогда он мне говорит: «Ты что – боишься, что какой-нибудь паук укусит?» Но я, продолжая упорствовать, произнесла: «Да, укусит!» – ничего конкретного не имя в виду, просто из одного упрямства. Но он все-таки благословил меня лечь на печку. Я легла. И ночью меня действительно укусил паук[1] – нога покраснела и посинела. Брат Виталий утром посмотрел и говорит: «Ой, сестра Мария!..»

Через некоторое время нам надо было возвращаться в город. Когда мы спускались с горы, брат Виталий смотрит на меня и говорит: «Сестра Мария, тебя нужно нести с горки». Я спрашиваю: «Зачем?! Меня – нести с горки?!» Он: «А что – ты сама пойдешь?» Я в ответ: «Сама пойду!» Мне и в голову не пришло, что это снова было сказано по-духовному – о. Виталий испытывал меня, намекая мне на мое самолюбие, а я, конечно же, всё восприняла буквально. Потом он выломал себе большую палку-посох и шел с ней, а через некоторое время говорит: «Вот если бы я не выломал этот посох, то вы бы увидели, что бы сейчас тут было!..» Тогда никто из нас не решился спросить, что было бы. Но, без сомнения, о. Виталий, сам все время «опиравшийся» на духовное руководство благодатных старцев, и для нас являлся крепкой опорой, без которой мы легко бы соскользнули в духовную «пропасть»...

Спустились мы с гор, дождались автобуса. Едем, а о. Виталий смотрит на меня и спрашивает: «Сестра Мария, а вот если бы я тебя благословил пройти через весь город в таком грязном платье, ты бы пошла?» – а я, как приехала в белом

---

[1] По всей вероятности, речь идет о скорпионе. В отличие от среднеазиатского, укус кавказского скорпиона не смертелен, однако он вызывает весьма болезненные ощущения *(прим. ред.)*.

платье, так все время в пустыни в нем и ходила – я и не подумала взять с собой что-то на смену, не подозревала, что буду лазить по горам и могу выпачкаться. Тут уж я решила «смириться» – отвечаю: «Благословите». Но брат Виталий неожиданно сказал: «Да нет... отец Серафим[2] будет ругаться».

Приехали в Сухуми – у меня начала болеть нога (от того ночного укуса). Брат Виталий говорит: «Скажи об этом отцу Серафиму». Я подхожу к отцу Серафиму и говорю: «Вот, батюшка – так и так», – рассказала ему историю моего прекословия. Он отвечает: «Надо в больницу». Я говорю: «Ой, а мне в больницу никак не хочется», – «Ну, тогда, как домой приедешь, крещенскую воду приложи, и у тебя все пройдет». Приехала я домой – нога не болит. «Ну, – думаю, – не надо и крещенскую воду прикладывать». А на второй или на третий день у меня опять начались боли, нога посинела. Работала я в детском саду. Заведующая увидела и говорит: «О, Машенька, тебе надо к кожному врачу!» Тогда я начала вспоминать: «Отец Серафим мне что говорил? Крещенскую воду приложить». Пришла домой и давай мочить салфетку крещенской водой и к ноге прикладывать. Салфеточка очень быстро высыхала: только приложу, пройдет минут 15-20 – уже сухая! Всю ночь я ее прикладывала, и только к утру она у меня осталась влажной. Наутро я посмотрела – на ноге ничего нет! Вот что значит послушание старцам и их молитвы! Прихожу утром на работу – заведующая спрашивает: «А ты что – к врачу не пошла?» Я отвечаю: «У меня ничего нет». Она удивляется: «Как нет?!» Говорю: «Ну, посмотрите!» – и показала ей ногу. Она спрашивает: «А чем ты лечилась?» Я в ответ: «Святой крещенской водой. Хоть верьте – хоть не верьте!» Она ничего мне не сказала...

В горах, в пустыни, я была два или три раза. Потом там на монаховначались активные гонения, и брат Виталий по благословению старцев перебрался в Тбилиси. И я стала ездить к нему туда.

Однажды приехала со своей хозяйкой квартиры – Александрой Антоновной. После этого стала приезжать с ней в Грузию почти постоянно. Отец Виталий нас всегда очень тепло и радушно принимал.

Помню, у Александры Антоновны был в жизни такой интересный случай. Она мне потом рассказала, что был некоторый период, когда она вставала в час ночи молиться, и ей было легко и хорошо. Но потом прошло какое-то время – и от усталости она уже не могла встать в час ночи на молитву. И услышала голос: «Вставай, молись». Она не могла встать. Голос продолжал говорить: «Ты такая сильная – ты должна встать, ты можешь встать!» Но она так и не смогла подняться... Прошло время, она взяла отпуск и поехала к отцу Иоанну (Маслову) в Сергиев Посад. Рассказала ему, что не смогла встать ночью молиться, и что был голос, говорящий: «...ты такая сильная...» Отец Иоанн воскликнул: «Какая «сильная»?! Какая ты «сильная»?! Прекратить молиться! Чтобы ты больше не вставала!» Она так и поступила. Но враг ее не оставлял – приходил ночью, пугал, когда она спала. Она поехала к отцу Виталию и стала ему жаловаться. Он ответил: «А ты скажи: «Подожди, вот я расскажу отцу Виталию...»» – и после этого, по молитвам Батюшки, враг ее больше не безпокоил.[3]

Отцу Виталию были открыты даже многие наши сокровенные желания. Однажды Александра Антоновна повезла меня в Сергиев Посад. Мы там прикладывались к мощам преподобного Сергия Радонежского, и когда я вернулась домой, у меня возникло желание: «Вот бы иметь фотографию мощей – тогда можно было бы каждый день прикладываться к этому изображению». И что вы думаете? Через неделю отец Виталий прислал мне фото мощей преподобного Сергия!

Перед смертью Александру Антоновну парализовало, у нее сильно заболела рука, но она была верным чадом отца Виталия – и не роптала. И меня учила тому же. Если я, бывало, скажу что-то повышенным тоном, то она мне тихо напомнит: «Ну, что же ты, Мария, так разговариваешь? Ведь отец Виталий учил нас, чтобы мы между собой всегда советовались, чтобы никаких криков не было, никакой власти или командования – только мир, лад и согласие». Батюшка, действительно, так нас учил: в любом деле совещаться между собой, просить друг у друга благословения, а не принимать решения в одиночку. Он всегда наставлял, чтобы мы смирялись, прощали друг друга. Говорил: «Дай своему сердцу волю – заведет оно тебя в неволю».

Батюшка мог очень умело напоминать нам о наших грехах и приводить к покаянию. Когда я однажды была у отца Виталия, то пожаловалась ему: «Батюшка, у меня такая плохая память!» А он в ответ: «Ну, зачем ты говоришь неправду, зачем ты обманываешь?» Я настаиваю на своем: «Правда! Я и в школе плохо училась...» А он: «Вот когда тебя кто-то обидит, у тебя хорошая память: ты долго помнишь и обижаешься». На это мне уже нечего было возразить...

Как-то раз я спросила: «Отец Виталий, а почему я не умерла маленькой? Ведь было такое, что я маленькой могла умереть. Вот если бы это случилось, как было бы хорошо, а то сейчас одни грехи, ничего хорошего во мне нет». А Батюшка в ответ: «Ну да! Вот нашлась раба Божия, которая учит Господа, когда ей надо было умереть! Раз Господь оставил, значит, надо еще пожить».

Отец Виталий частенько предупреждал: «Смотрите – будьте всегда осторожны в словах, потому что скажете слово, а оно может ис-

---

[2] Схиархимандрит Серафим (Романцов) *(прим. ред.)*.

[3] Для сравнения приведем случай, описанный схимонахиней Елисаветой (Орловой): «Отец Виталий поучал нас, что на свою молитву никогда не надо уповать и надеяться, а всегда нужно прибавлять "молитвами отца нашего духовного" или "матери духовной". И рассказывал случай, как в монастыре отец Серафим (Романцов) послал его на послушание куда-то в сарайчик. Отец Виталий подходит, а на двери сидит бес. Батюшка перекрестил себя и его – нечистый хохочет. Сотворил молитву и снова его перекрестил – враг опять хохочет! Тогда отец Виталий наложил крестное знамение со словами: "Молитвами отца моего духовного Серафима изыди вон", – и лукавый тут же исчез...» *(прим. ред.)*.

полниться не в хорошую сторону – потом будете плакать и скорбеть».

Он не раз говорил нам и писал в письмах, что если у кого-то начинается сильная духовная брань, то нужно читать молитву: «Пресвятая Владычице моя Богородице...» – что в конце утренних молитв. Писал, что ее надо много и часто повторять и что некоторые прочитывают ее по тысяче раз.

Отец Виталий не терпел небрежения – особенно, что касалось вещей духовных. Как-то он стоял и молился, делал поясные поклоны. Я тоже перекрестилась и наклонила голову. А он вдруг у меня спрашивает: «Сестра Мария, что это за поклон? У тебя разве что-нибудь болит?» Говорю: «Нет». И он показал, как нужно правильно делать поклон: перекреститься и наклониться так, чтобы можно было рукой достать до пола.

Но в то же время он не одобрял нашего и излишнего «усердия» в делах житейских. Когда мы однажды приехали в Тбилиси на Дидубе, там на кухне готовили пищу. Батюшка и говорит: «Вот, сестра Мария (имея в виду свою келейницу) не допускает меня до кухни, а если б меня допустили, я бы такой вкусный обед приготовил! Всё бы в кастрюлю сложил: и капусту, и бурак, и морковку, и баклажаны, и арбузы, и дыни – и вы не представляете, какой бы был вкусный обед! Но меня не допускают...»

Отец Виталий относился очень бережно к продуктам питания – считал их даром Божиим. Если что-то готовили, он обязательно просматривал ведра: что именно выбрасывалось. И когда находил то, что можно было бы еще съесть, то всегда за это ругал: «Как вы можете это выкидывать?!» Если уж, говорил он, что-то испортилось и нельзя уже употребить в пищу, то нужно отдать это птичкам или закопать.

Батюшка всегда говорил, что пищу на стол нужно ставить с молитвой. Как-то одна раба Божия перед трапезой носила и ставила пищу без молитвы. Когда она принесла последнюю тарелку, отец Виталий у нее спрашивает: «Ну, мать, сколько Вы прочитали Иисусовых молитв?» Она отвечает: «Ой, Батюшка, простите – ни одной!» – «Вот теперь будешь всё кушать сама». Может, это и показалось кому-то «жестоким», но по-другому, наверное, до нас бы не дошло...

Отец Виталий всегда говорил, что за едой нужно молчать, благодарить Господа за то, что Он послал нам эту трапезу, и помышлять о голодающих, просить Господа, чтобы Он накормил голодных и напоил жаждущих.

Еще отец Виталий говорил так: «Если к вам приезжают гости, то вы должны их хорошо накормить. Сами можете голодать, не кушать, но гостей обязаны кормить хорошо».

Однажды на Дидубе во время трапезы отец Виталий отрезал большой кусок хлеба и стал намазывать его толстым слоем сливочного масла. А я сливочное масло очень не любила. Сижу, переживаю: вдруг мне даст? И, видимо, на лице у меня отразилась эта неприязнь к сливочному маслу, выявилось мое недовольство, потому что мать Мария тут же отчитала: «Вот, приезжаете сюда и не выполняете благословения! Старец знает, кому что давать!» – взяла, половину куска отрезала себе, а остальное дала мне. Пришлось все съесть. Так искоренялась наша брезгливость.

А в другой раз на меня нашло такое же искушение по поводу одежды: если я надевала какую-либо вещь, то потом, прежде чем надеть по второму разу (хотя бы и на следующий день), обязательно ее стирала. Приехала к отцу Виталию и рассказала об этом, а он мне говорит: «А ты надень платье – и ходи целый год, не стирай». И после этого искушение у меня по молитвам Батюшки прошло.

Как-то мы к нему приехали, и отец Виталий заставил нас переписывать письма. Я немножко переписала – он подходит: «Ой, сколько ты здесь ошибок наделала! Как можно так писать?» Я, конечно, расплакалась. Перестала работать – сижу, плачу. Потом мать Мария мне сказала: «Да ты не расстраивайся, не плачь – это отец тебя лечит».

А «лечить» он мог по-разному – и не всегда его строгость распространялась только на нас, чаще – на самого себя. Помню, когда матери N. дали монашество, она через несколько дней приходит к отцу Виталию и жалуется: «Отец Виталий, прости меня: я пошла к детям, а они меня угостили мясом – я не удержалась и поела!» Он ей в ответ: «Ну, ладно, прощаю. Но больше так не делай». Но она и во второй раз так же «проштрафилась», и в третий. Пришла и опять стала говорить: «Отец Виталий, я снова соблазнилась». А он так тихо: «Ну что ж – теперь целую неделю я буду кушать пищу без постного масла». Она рассказывала потом: «Я содрогнулась от этих слов отца Виталия! И у меня после этого пропало всякое желание к мясу».

Батюшка не терпел осуждения и нас учил тому же. У нас в Таганроге жила раба Божия Настенька, которую мы почитали как челове-

Рассказывал схиархимандрит Виталий: «Однажды зимой я вышел ночью из кельи и увидел большую собаку. Я стал звать ее, но она в ответ завыла. Я понял, что это волк, который готовится броситься на меня, и закричал: "Господи, молитвами отца моего духовного схиигумена Серафима, помилуй меня!" – и волк, как будто гонимый невидимой силой, убежал в лес. Это был уже не призрак: наутро мы увидели на снегу волчьи следы».

ка святой жизни. После ее смерти одна женщина стала сомневаться: «А что вы все: «Настенька, Настенька!» Она же... (такая-сякая)». Мы, конечно, заскорбели, услышав это, и когда поехали к отцу Виталию, стали спрашивать: «Отец Виталий, одна раба Божия сказала вот так и так». На что он ответил: «Эта раба Божия пусть лучше смотрит за собой. Настенька была юродивой...» – и сказал нечто, чему мы удивились и из чего поняли, что один суд – человеческий, и совсем иной – суд Божий. А нам никого не позволено судить...

Но даже на обычные житейские случаи, которые вызывали у нас как бы справедливое негодование, он учил смотреть по-духовному. Например, когда кто-то приезжал и начинал жаловаться, что в магазине и на рынке обвешивают, Батюшка говорил: «Искушение с вами! Это ведь вменяется вам в милостыню!»

Незабываемым для меня останется день смерти Батюшки – 1-го декабря 1992 года. Тогда у меня был обычный будний день – я трудилась в храме. Готовила на кухне. Потом пришли прихожане с просьбой поставить свечки. Свечи я поставила и вновь отправилась работать. Через некоторое время пришла в храм посмотреть, всё ли в порядке со свечами. Только переступила порог, как тут же почувствовала благоухание – тонкое, нежное. Сначала я не обратила на это внимания и вернулась на кухню. Через некоторое время вновь зашла – благоухание усилилось. Я подумала, что это, наверно, пономарь пришел и разжигает в алтаре кадило для службы. Но двери храма были закрыты – как же он прошел? Уже перед сдачей смены я в третий раз пришла в храм – благоухание стало еще больше. Я прошла на середину – благоухание было сильное, дошла до солеи – ничем не пахнет, вернулась на левую сторону, где распятие – там стоял такой небесный аромат, что словами передать нельзя! И у меня сразу почему-то возникла мысль: «Неужели что-то случилось с отцом Виталием?!» Когда я приехала домой после работы, мне сообщили, что отец Виталий умер. Я решила отправляться на похороны на следующий же день, но утром у меня поднялась высокая температура, и я вынужденно осталась дома... На могилку к отцу Виталию я потом все же приехала. Рассказала мать Серафиме, какое было благоухание – она ответила: «Отец Виталий прощался с каждым своим чадом»...

Утешил меня Батюшка и на сороковой день после своей кончины. Когда мы готовились к поминам, то для трапезы решили купить рыбы. На рынок за ней благословили идти меня. Я пошла, заранее договорившись с одним рабом Божиим, что я найду подходящую рыбу, а он поможет мне ее принести. Выбрала самого большого толстолобика, который был на рынке – более десяти килограммов. Купила его, а брат по какой-то причине не пришел. Тогда я сама взяла рыбину и принесла домой, не чувствуя при этом особой тяжести. Но когда мы стали обрабатывать толстолобика, одна раба Божия не могла в одиночку его даже перевернуть! Говорит: «Как же ты могла его нести – такую громадину?!» Я отвечаю: «А мне, наверно, отец Виталий помог – я большой тяжести и не чувствовала». Так Господь по молитвам Старца незримо помог даже в этом незначительном деле. Но ведь у Батюшки при жизни никогда ни в чем не было «мелочей»...

Из писем схиархимандрита Виталия

Благодать Божия да пребудет на всех вас во веки!

Спаси, Господи, за чудное письмо. Только не надо предаваться унынию. Всегда надо творить молитву, брать благословение и слушать родителей. Интерес надо обращать к Богу, помышлять о муках, о блаженствах рая. Что одевается не по желанию, то иной раз возьми и скажи: «Как пожелают родители», – вот в этом и есть твое пожелание: исполнить волю родителей, то и есть исполнение своего пожелания. Свои желания не слушай, а ежели будешь их слушать, то они никогда не дадут покоя.

Кроме веры христианской, ничего нету непогрешимого. Вместо телевизора смотри умом Господа и Того распята. Смущаться не надо, а надо твердо верить Богу Небесному, Матери Божией, святому Ангелу и всем святым.

Спаси Вас, Господи, Ему слава. Аминь.

Простите, благословите, не скорбите.

Боже, помоги вам! Спаси вас, Господи, во веки.

Один монах шел на базар, вспомнил о четках, достал из кармана и одну Иисусову молитву сказал, проходя мимо повозок. Одна лошадь испугалась и круто повернула воз, побежала, задела монаха, он упал, ушибся, но жив, а воз опрокинулся возле него. Во сне было тому монаху сказано, что за одно произнесение молитвы Иисусовой Ангел Божий спас его от смерти – воза, который должен был на него опрокинуться. Но Божий Ангел предохранил.

Вот и читай сию молитву – и себе, и всем поможешь. А что говорить: «Бог не слышит», – диавол сие говорит, ты его не слушай, а совершай молитву – и получишь и здесь, и тамо помощи и милости Божии во всех недугованиях.

Простите. Дети наши.

Будьте здравы.

АПОКАЛИПСИС В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Часть 3: «О правильном и неправильном отношении человека к Богу»

Вопрос: *Вы говорили, что причиной «конца света» явится отсутствие покаяния в людях. Но думается, что безпокаянное житие – это только результат отступления людей от христианской жизни, от закона Божия. Если же мы пожелаем разобрать причины отступления, то понятно, что найдем много таковых. Но существует ли из всех причин «особо серьезная», на которую стоит обратить внимание в первую очередь?*

Ответ: В течение последних лет пришлось немало встречаться с людьми, которые в откровенных беседах делились отягощающими их проблемами. Конечно, проблемы все разные. Но все-таки усматривается в них как бы некий общий «корень», из которого вырастают колючки всех наших недоумений, смущений и тяжелых внутренних состояний – мрачных, безысходных и порой невыносимых. Думается, что на этот-то ядовитый «корень» и стоит обратить внимание в первую очередь. Потому что если не устранить его, то рано или поздно он приведет каждого человека в отдельности, а потом и всё человечество в целом к полному, так сказать, «апокалиптическому» разрушению.

Вопрос: *И что же это за «корень»?*

Ответ: Если попытаться выразиться современным, более понятным языком – неверная внутренняя «установка», т.е. неверное мнение и понимание «что есть что» по отношению ко всему, что вокруг нас и в нас самих.

Внутренняя установка существует ко всякому благому или злому делу, ко всякому обстоятельству нашей жизни, к самому себе: «Кто есть я?» и, в конечном счете, к Самому Богу: «Кем Бог является для меня?»

Образов такого самоопределения – великое множество. Как говорится, кто на что горазд... А ведь **от этого свободно избираемого нами самопозиционирования пред Богом и людьми зависит вся наша последующая жизнь и вся наша деятельность – внешняя и внутренняя**. И как следствие, этим определится и наше будущее существование – в безпредельной вечности.

Что касается неправильного отношения к самому себе, то оно имеет большое разнообразие.

Например, некоторые люди под влиянием каких-то случаев начинают верить в то, что они – гениальные личности и начинают в жизни вести себя так, чтобы доказать всем, что «я – не как прочие человецы». И от такого мнения безполезно мучаются сами и приносят страдания всем, кто их окружает. Иные же люди усваивают обратное отношение к себе: они – сплошные неудачники, отчего вся их активная жизнь тормозится всё чаще и чаще и постепенно сводится, практически, к нулю.

Бывают мальчики, которые усваивают себе образ «пожизненного потребителя», не хотят иметь в себе никаких мужских свойств – отваги, чести, мужества, постоянства, благородства, а потому, вырастая, не могут стать ничьей опорой. И наоборот – бывают девочки, которые, начитавшись книг или насмотревшись соответственных фильмов, считают для себя унизительным принадлежать к женскому «слабому» полу и начинают играть роль «сильной натуры». К чему – к каким комедиям, страданиям и трагедиям это приводит их самих и тех, с кем они общаются, догадаться и увидеть нетрудно.

Бывает, что некоторые люди воспринимают какую-либо ложную идею типа:

«Бери от жизни всё, что можешь,
Бери хоть крошки – всё равно...
Ведь жизнь на жизнь ты
не помножишь,
А дважды жить – не суждено», – и уходят в полный произвол, сметая со своего пути даже самое святое. А другие: «Эх, жизнь моя жестянка... а ну ее!..» – и близки к тому, чтобы навсегда расстаться с этим «никчемным существованием».

И таких ложных направлений самоопределений, ведущих в тупик – тьма тем.

Но, безусловно, решающим моментом самоопределения является наше отношение к Богу: «Кем Бог является для меня?»

Этот образ Бога каждый человек формирует для себя свой, и каждый по-своему определяет свое отношение к Нему.

Но если даже мы избираем самый правильный и верный образ отношений – как детей к Отцу – то и в нем по своим, так сказать, «немощам», а точнее – страстям и глупостям можем изобрести уродливые душевредные варианты.

Даже среди тех людей, которые стараются исполнять Его волю всегда и во всем, возможны неравноценные варианты. Например: можно исполнять волю Отца с желанием приобрести и усвоить себе Его благие свойства, а можно – холодно и машинально (как сейчас любят говорить в среде верующих – «за послушание»). И в результате стать похожим на старшего сына из притчи о блудном сыне, потерявшего братолюбие и уважение к отцу. Этот старший сын хвалился и одновременно упрекал отца, что *«я столько лет служу тебе, и никогда не преступил приказания твоего...»* (Лк. 15, 29). Да, внешние добродетели этот человек проявлял, но любви ни к отцу, ни к брату так и не приобрел.

Другие, хотя и признают Бога Отцом, однако не хотят исполнять Его повелений. Но одни просят прощения за это, а иные считают для себя это унизительным. Они считают, что их персона, несмотря на все преступления и беззакония, высока и заслуживает почтения пред Богом, и Он не посмеет ее отвергнуть от Себя как непотребную во тьму кромешную.

Иные с самодовольством надеются, что Он им все простит «за красивые глазки»; третьи – иногда слушаются, иногда – не слушаются, по настроению только тогда, когда им что-то понравится. И иногда могут как-то «между прочим», слегка попросить прощения. А иные наоборот – часто каются, как умеют, но не верят, что Бог им прощает, забывая о том, что Бог послал Сына Своего Единородного как Агнца, взявшего на Себя грехи мира.

Другие создают себе образ Бога наподобие предпринимателя или банкира, с которым есть смысл вступить в сделку (или хотя бы в какой-то контакт). Но одни честно хотят что-то заработать у Него, другие – с хитрецой, а третьи – пообещать, взять «кредит» и не отдать. Четвертые – вовсе своровать или присвоить себе Его дар и хвалиться этим как своей собственностью. А пятые – ничего не делать по целым дням, а выпрашивать и кайфовать как бомж в подвале.

Иные имеют образ Судии. Но и эти относятся по-разному к Нему. Одни, осознав свои нарушения духовного закона, просят прощения и стараются не повторять преступлений. Другие упрашивают Его через кого-то и умилостивляют через что-то. Третьи думают: «А нельзя ли что-то как-то предпринять, чтобы избавиться от правосудия?» Некоторые из них даже пытаются найти иного подобного, кто бы их избавил от власти откуда-то явившегося нелицеприятного Судии и взял бы под свое покровительство.

Иные имеют образ: «высокий, премудрый, сильный», но судят о Нем по себе и думают, что если к Нему приблизиться и вступить с Ним в какие-то взаимоотношения, то может оказаться, что Он «страшный и ужасный» – будет требовать от меня того, чего я не понесу. А потому я, как человек немощный, буду, пока имею возможность, жить как мне нравится и хочется, как будто Его и вовсе нет. А там... что будет, то и будет.

Иные хотя и воспринимают Его как Помощника и Покровителя, но не в борьбе **со своими** греховными склонностями, а весьма своеобразно – как «жестокого отмстителя оскорбивших меня обидчиков» (для этого даже ставят свечки за своих оскорбителей «вверх ногами»).

Иные представляют себе Бога как одного из сильных мира сего. Именно из этого представления у таковых людей сложилась богохульная поговорка: «До царя далеко, до Бога высоко», – дескать, цари и земные, и небесные, только с трибун хороши, а на самом деле... Потому я сам буду устраивать свою жизнь как захочу.

Иные думают: да, Он, конечно, Творец и Бог, и дал какие-то законы, но мне будет приятнее жить, не обращая внимания на Его законы, и это незнание в какой-то степени послужит мне в оправдание. Так что «бери от жизни всё, что нравится», и «за сорок бед – один ответ».

Иные составили образ: «высокий, далекий, но добрый». Ну, а если добрый, то Он простит, если я что-то буду позволять себе в утешение – чего мне хочется и что мне нравится, а потом, уже перед самой смертью, попрошу Его, и Он меня простит по Своей доброте.

Иные воспринимают Его как политического лидера – устроителя православного царства земного совместно с Ним... Хочется им попасть в Царство Небесное, но только сперва насладившись замечательной жизнью в царстве земном. А без могущественного царства земного и в Небесное как-то и не хочется...

Другие хотят устроить царство на земле вовсе без Него (т.е. Бог у них воспринимается как оппозиционер): «Уйди, Ты нам мешаешь!.. Мы наш, мы новый мир построим – без Тебя и Твоих законов! Не нужен нам Ты и Твой Небесный рай – у нас и на земле будет как в раю: порядок и комфорт!»

И только, кажется, немногие искренне говорят Богу: *«Отец, согрешил я против неба и пред Тобою и уже не достоин называться сыном Твоим»* (Лк. 15, 18-19). И стараются искренно каяться и исправляться и внутренне, и внешне.

Таким образом, у каждого человека его обращение к Богу зависит от этого лично им сформированного, полюбившегося ему образа взаимоотношений. И насколько этот образ приближается к истине, насколько он правильнее – **настолько утешительнее для души**. Как читаем в Псалтири: *«Помянух Бога и возвеселихся»*. И насколько этот образ искажен, неверен – настолько неутешительнее воспоминания о Боге, которые будут приводить душу в страдательное состояние

(начиная от уныния, кончая ропотом, озлоблением и хулой). Именно от этой внутренней установки к Богу и Его Промыслу о нас зависит принятие и усвоение душой или радости о Боге (и Его Всеблагом Промысле о нас), или же мрака, тяготы, изнеможения, а иногда и по-адски безысходных страданий (в частности – от невидения смысла жизненных проблем).

Если только естественное и богооткровенное – правильное отношение души к Творцу подменить неверным, но понравившимся человеку подобием, то цель врага достигнута: душа начнет удаляться от своего Творца и с легкостью попадется в любые диавольские сети. Потому-то враг-диавол и воюет с Богом в сердцах людей, отторгая их от Него. Но сегодня это делается не столько с помощью «свободного» воспитания, «кнута» политической диктатуры или «пряника» различного житейского комфорта, сколько посредством искусно и незаметно внедряемых в человеческие души неверных установок и ассоциаций по отношению к Богу. А из них уже произрастают плевелы неправильных чувств и отношений ко Господу.

Вопрос: *Например...*

Ответ: На эту диавольскую мельницу льется вода со всех сторон нашей современной жизни – телевидения, СМИ, кощунств над религиозными чувствами в мирском бизнесе (вроде вина «Душа монаха» или книги «Господь – мой брокер»...), в том числе – и со стороны общего падения нравственности народа, когда блекнут увядают, а то и вовсе гибнут самые близкие и святые взаимоотношения между людьми...

К некому духовнику пришла однажды женщина и попросила разъяснить, кто такой Бог. Духовник ответил: «В Священном Писании говорится, что Бог – наш Отец». Женщина в ужасе отшатнулась и закричала: «Нет, нет, только не это!!!» – «Но почему?» Оказалось, что отец этой бедняги был садистом, замучившим всю семью, и для нее слово «отец» означало только это и ничего другого. К счастью, духовник был опытным, и они нашли другие ассоциации, понятные ее душе. И еще: эта женщина тогда только делала свои первые шаги к Богу, ее ассоциативное восприятие не было «загнанным вглубь», и потому она смогла увидеть и отвергнуть ложь.

Чаще, к сожалению, бывает другое. Расскажу случай, с которым лично мне пришлось столкнуться. Человек уверовал в Бога, воцерковился. Изучил катехизис, Священное Писание. Даже Евангелие мог пересказать близко к тексту. Да только почему-то не мог

он довериться Богу, часто высказывал ропот и хулу на Него. И только после долгих, очень долгих откровенных бесед выяснилось, что отец у этого человека был жестоким и самовластным – не воспитывал, не объяснял терпеливо неверность поступков младших членов семьи, а за каждую мелочь устраивал «погромы» (за что дети его жутко боялись, а «втихую» просто ненавидели). И вот по ассоциации и усвоилось тому человеку, что «Отец Небесный» – такой же, и что все скорби и напасти – это Его «погромы», а не заботливое воспитание. Такое искаженное «богословие» укоренилось у этого бедняги внутри, в подсознании. А осознанно, «в голове», он имел вполне верное, православное мировоззрение. Вот какая коварная подмена может произойти с помощью ассоциативных подтасовок.

Но еще чаще встречаются подмены духовных понятий за счет поверхностных «срываний макушек» в духовной жизни, в результате чего образуются «непроходимые пропасти» при попытке перейти от теории к практике. Приведу один наглядный пример. Некий вполне церковный человек мучился от приступов бунтарства и гордости, не желая смиряться ни с какими испытаниями, посланными ему Промыслом Божиим. Когда духовник говорил ему: «Надо смиряться», то молча вздыхал и соглашался: «Да, я понимаю, что надо. Но что-то у меня не получается...» – «Надо стараться» – «Да, я буду стараться». Однако в реальной жизни этот человек заходил всё дальше и дальше в тупик, пока, наконец, не сделал вывод-установку: «Я никогда не исправлюсь», и... спустил все на «тормоза»...

Что же было на самом деле? Когда впоследствии у этого человека спросили: «Что такое смирение в твоем понимании?», то он ответил: «Это – состояние человеческого сердца, при котором человек всех видит Ангелами Божиими, а себя – последним грешником. Смирение выражается в кротком, терпеливом несении всех скорбей и напастей, нероптании, благодарении Бога за всё случающееся». Вроде бы всё правильно, по-святоотечески. Тогда в чем же заключалась проблема этой души? Именно в **неверном, ошибочном понимании смирения**. А ошибка эта состояла в следующем:

1. В огромной оторванности от реальной жизни теоретических познаний. Ведь видеть всех Ангелами, а себя последним грешником, и даже просто кротко нести все скорби и напасти, нероптать, благодарить Бога за всё является результатом немалого труда и уделом преуспевших душ. А нам, чтобы достичь такого состояния, надо пройти много-много ступенек. Хотя почему-то кажется, что это сокровище где-то совсем рядом... только протяни руку – и возьмешь. Постарайся, напрягись чуть-чуть, посмотри – и увидишь всех Ангелами Божиими. Но в реальной жизни – всё по-иному: нагрубил тебе кто-то, накричал на тебя, и ты его видишь «аки беса». А потом, когда остынешь, удивляешься: «Странно, почему у меня ничего не получается?» И через некоторое время: «У меня никогда ничего не получится!»

2. В далеко неполном понимании сути смирения. Например, существует мнение, что «смирение –

это когда тебя оскорбляют, а ты молчишь». Однако навыкнуть молчать при этом можно по разным, отнюдь не смиренным причинам. У аввы Дорофея описан случай, как один молодой монах проявлял удивительную невозмутимость в конфликтных ситуациях. Некогда опытные отцы спросили его, как это у него получается, он ответил: «А зачем мне обращать внимание на лающих псов?» То есть себя он считал человеком, а всех прочих – псами.

3. В наличии множества неприемлемых на уровне этой души «спасительных истин» («бьют – хорошо, клевещут – хорошо, притесняют – хорошо, болеешь – хорошо» и т.д.), которые отпугивали, отвращали душу не только от возделывания смирения, но даже от желания иметь его. Образно говоря, вместимость этой души была слишком мала на тот момент. Но вместо того, чтобы не пугаться, а терпеливо, заботливо, шаг за шагом начать расчищать и углублять кладезь своего сердца, этот бедный человек не нашел ничего лучшего, как... отвергнуть драгоценное миро.

4. В совершенном невидении (да и неискании) путей, позволяющих **понять и полюбить** добродетель смирения:

В итоге у этого человека получился всё тот же «двойной стандарт мышления». Осознанно, «в уме» – благочестивое понимание, а подсознательно, внутри, вырос совсем иное определение: «Смирение – сплошной кошмар, которого я боюсь и который ненавижу». Разве при таком положении дел могли выправить несчастного словесные самобичевания («Какой же я нерадивый, не стараюсь смиряться!») или укоры со стороны ближних («Подожди, дождешься – грянет гром Небесный на твою голову!»)? Конечно, нет. Они вели не к исправлению, наоборот – к озлоблению, ропоту, богохульству и противлению людям и Богу...

Вот и получается, что мы порой имеем якобы благочестивые понятия, а на самом деле, внутри зреет «ядерная бомба» бунта. Она лелеется, тщательно взращивается и охраняется от нашего осознания безплотными врагами спасения – демонами. И если им невозможно по каким-либо причинам взрастить явное нечестие и отступление, они стараются засеять именно это лжеблагочестие – лжепонятия о смирении, о терпении, о послушании, о любви... обо всём духовном... и, конечно же, о Боге. А результат будет один – люди постепенно станут неспособными понять и принять Божий Всеблагой Промысл о них, чем и будет формироваться личный апокалипсис в каждой удаляющейся от Бога душе – а через это в свое время совершится и всемирный апокалипсис.

Мир погубит не атеизм (как отрицание бытия Божия), а антивера – то есть, вера в то, что именно Бог является виновником всякого зла.

А всё это бедствие происходит от неоправданного, опрометчивого нежелания (или недостаточного старания) понять нам своего Творца и Бога. Мы не стараемся осмыслить и уразуметь Его любовь и желание возвести нас в честь сынов и дочерей Божиих. **Не стараемся правильно понять и принять Его заботу об этом в ежедневных обстоятельствах нашей текущей жизни**. Нам видится «кому что угодно» – только невероятной кажется эта Его Божественная благость и забота о нас.

Потому каждый из нас должен пересмотреть свое сердечное, внутреннее устроение: какие отношения у него с Богом? Или как с Отцом родным (либо – с самым любимым человеком, если образ отца затёрт неверными ассоциациями), или как с Судьей... или относимся к Нему, как к сыщику, который исследует все наши преступления, а потом нас предаст на суд... или как к «золотой рыбке», которая нам якобы чем-то обязана и должна исполнять все наши желания и прихоти... или еще как-то?.. И задаться вопросом: **«А правильно ли это?»**

В наше время, конечно, очень трудно подобрать для человека хороший образ. Но если человек не находит правильных прообразов в своем окружении, то пусть возьмет их из евангельских притч. Можно иметь образ всемогущего врача, Промыслителя и Спасителя, или же – доброго пастыря, спасающего заблудшую овечку из глубокой пропасти...

Многие притчи-образы даны нам Господом нашим Иисусом Христом во Святом Евангелии, но еще больше таких образов-подобий – в богослужениях нашей Православной Церкви. И кто вслушается со вниманием в эту дивную гармонию, тот, без сомнения, найдёт для себя прекрасный, живой образец для правильных взаимоотношений с Богом.

Но какой бы земной образ мы не подобрали, нужно помнить, что Первообраз – Господь несравненно великолепнее, прекраснее, благостнее. Ибо Он, призвав нас ко временной жизни как детей человеческих, с любовью заботится о нас постоянно и разнообразно, чтобы возвести нас в достоинство чад Божиих. А мы...

«*Не познаша, ниже уразумеша...*» (Пс. 81, 5). «*Аз рех*, – говорит Господь, – *бози есте, и сынове Вышняго вси: вы же яко человецы умираете* [грехом], *и яко един от князей* [бесовских] *падаете* [в гордость и удаление от Источника Жизни – Творца]» (Пс. 81, 6-7). Мы же на эти слова Бога нашего почему-то мало обращаем внимания и продолжаем страдать во мраке своих проблем.

Прости нас, Господи, и помоги нам покаяться, и к Тебе возвратиться.

История Усманского женского монастыря

Часть 2

Современный тамбовский церковный историк Ю. Левитин называет точную дату начала строительных работ на месте будущего Успенского Софийского Усманского монастыря в селе Новоуглянка, сообщая, что «12 июня 1801 г. состоялась закладка монастыря».

Общее руководство созиданием новой обители по благословению Св. Синода и Тамбовского правящего архиерея в течение 10 лет осуществлял внучатый племянник святого Тихона Задонского иеромонах Тихон (Ефимов), проявивший немалую распорядительность. Причем, как уже вскоре стало считать местное епархиальное руководство — чрезмерную. В конце концов все вылилось в конфликт, закончившийся удалением отца Тихона из Тамбовских пределов.

Протоиерей Георгий Хитров, начавший работу над «Историко-статистическим описанием Тамбовской епархии», менее полувека спустя после этих событий, пишет: «Иеромонах Тихон скоро приобрел полное доверие строительницы: не только надзирал за постройкою монастыря и подворья, но, в отсутствие Федоровой, управлял ее домом и имением».

Меж тем «девица Федорова» испросила у Св. Синода дозволение устроить на месте прежнего, упраздненного в 1864 году, монастыря в Усмани подворье новой обители с тем, чтобы разместить там старриц некоей женской общины, проводившей в городе «жизнь духовную», и, видимо, не желавших оставлять намоленного места. Прошение не встретило в столице принципиальных возражений. Но правящий архиерей, узнав, что на подворье планируется еще и устроение храма, вмешался в ход рассмотрения прошения Федоровой. И в итоге она «по представлению епископа Феофила в устройстве храма получила отказ, на том основании, что еще в то время не выполнено было обязательство о постройке монастыря». Впрочем, протест против распыления сил и средств мог быть и чисто формальным предлогом. Ведь на

Икона, списанная с портрета св. Тихона и его камилавка, сохранявшиеся в Усманском монастыре

самом деле куда большее беспокойство в верхах Тамбовской епархии вызвало известие о том, что главный престол просимого храма должен быть освящен во имя святителя Тихона Амафунтского. Уже составившееся к этому времени нелестное мнение о приверженности иеромонаха Тихона суетной славе мирской стало поводом для обвинения его в том, что, пользуясь сложившимися доверительными отношениями с Н. Г. Федоровой, тот «задумал увековечить в г. Усмани свое имя». Даже в 1861-м, году прославления свт. Тихона Задонского, о. Георгий Хитров нисколько не сомневался, что именно ради иеромонаха-строителя «г. Федорова просила у Св. Синода разрешение устроить в Усманском подворье храм во имя святителя Тихона Амафунтского». Мы же, именно в этом, позволим себе усомниться. Конечно же, бывший келейник Задонского подвижника, весьма к нему близкий и свято почитавший память своего родственника и наставника как путеводителя *в мире горнем*, хотел увековечить устроением Тихоновского храма вовсе не свое имя...

Что же касается прочего, то исследователь истории придонского монашества П. В. Никольский, обычно весьма склонный к подробному цитированию имевшегося в его распоряжении богатейшего документального материала, наверное, не случайно ограничился в 1911 году лишь следующим замечанием по поводу конфликта Тамбовского епархиального руководства и строителя Усманского монастыря: «До сих пор официальные сведения о нем далеко расходятся с преданиями, живущими... в Усманском монастыре. Но если бы эти официальные данные были и вполне достоверны, то они касаются только позднейшей его жизни, именно как строителя женского монастыря. Его... благочестие за время послушничества у св. Тихона нигде не подвергается сомнению».

В Тамбове же начала XIX столетия, по наложении запрета на устроение церкви для подворья, против храмосозидательницы Федоровой и ее помощника-руководителя воздвиглось новое обвинение — будто бы они «как бы в отмщение за отказ в устроении Тихоновского храма» постарались

сколь возможно затянуть построение монастыря. Иеромонах Тихон «то приказывал мастерам производить работы против контракта, то разламывал сделанное согласно плану и условиям». Подрядчик, воронежский купец Никита Богданов, сначала терпеливо исполнял все указания, перенося «обиды и свои потери». Но, наконец, не выдержал и «принес на иеромонаха Тихона в Св. Синод жалобу», прося удалить строителя от надзора за постройками. Святейший Синод перенаправил жалобу Богданова на рассмотрение преосвященного Феофила, который, по словам Хитрова, «давно знал отношение Тихона к г. Федоровой и его виды».

Решение в таких обстоятельствах естественно было вынесено в пользу интересов подрядчика, выступившего с претензиями. Иеромонах Тихон в конце 1810 года был удален от управления работами и отправлен обратно в Москву. За время своего послушания в должности строителя Усманского монастыря он успел «окончить постройкою Софийскую церковь, келии и ограду».

А через год, 22 декабря 1811-го, завершилась жизнь земная преосвященного Феофила, епископа Тамбовского и Шацкого. Сменил его 24 марта 1812 г. владыка Иона (Васильевский), бывший до хиротонии во епископа настоятелем Волоколамского монастыря, инспектором и экономом Санкт-Петербургской духовной академии.

Новый Тамбовский архиерей, как человек для Тамбова сторонний и в конфликте своего предшественника с устроителями Усманской обители не участвовавший, не стал возражать против возвращения в Новоуглянку иеромонаха Тихона. Впрочем, вернулся бывший келейник св. Тихона Задонского на место своего последнего послушания лишь затем, чтобы окончить здесь дни свои. Опочил он 31 октября 1812 года.

Погребение бывшего строителя состоялось 7 ноября в особой пещере под монастырским собором. На его могиле водружена была чугунная плита с надписью: «Здесь погребен строитель Софийского девичьего монастыря Московского ставропигиального Новоспасского монастыря иеромонах Тихон, келейник и внук Преосвященного Тихона 1-го Воронежского и Задонского, в мире Иоанн Ефимов, сын диакона Толшевского монастыря Ефимия, племянника Преосвященного Тихона Задонского. Скончался во время исполнения данного ему послушания Св. Синодом близ воздвигнутого им монастыря 1812 г. (31 окт.); погребен 7 ноября. Вечная ему память».

Книги и личные вещи святителя Тихона

Сохранились свидетельства того, что насельницы новоустроенной обители, вплоть до упразднения ее при большевиках, благоговели пред памятью иеромонаха Тихона и в разных несчастных случаях обращались к нему с молитвой о помощи...

Да и было за что благодарить. Ведь бывший строитель завещал Усманской обители все сохранившиеся у него вещи, как лично принадлежавшие святителю Тихону, чудотворцу Задонскому, так и непосредственно связанные с сохранением памяти о его подвигах.

Из цитируемой Т. М. Олейниковым переписки архимандрита Задонского монастыря Димитрия (Григорьева) и игумении Софийского монастыря Серафимы, относящейся к лету 1861 года, известно, что в это время в Софийском монастыре хранились следующие памятные вещи, переданные монастырю иеромонахом Тихоном: «9 рукописных книг св. Тихона, частные келейные его письма, рукопись о должности христианина, писанная рукою самого святителя, камилавка, четки и платок его; дальше — икона Распятие Господа с предстоящими и портрет Св. Тихона».

Некоторые из этих реликвий сохранились до начала XX века, когда Олейникову довелось побывать в Усманском Софийском женском монастыре.

Так познакомился он с рукописью «О покаянии», которая представляла собою «свод текстов из книг Св. Писания, трактующих о покаянии; в конце рукописи рукою самого святителя написано предписание разослать ее во все духовные правления Воронежской епархии за известную плату, которую употребить на вознаграждение писцам; в конце рукописи находится краткое наставление св. Тихона пастырям, как нужно совершать таинство покаяния».

Довелось Тихону Митрофановичу подержать в руках и две богослужебные книги, принадлежавшие свт. Тихону — «Апостол» и «Евангелие». «Как первая книга, так и вторая, особенно в начале и конце, исписаны рукою самого святителя. Обыкновенно святитель писал на этих книгах выдержки преимущественно из творений Арндта, Иоанна Златоуста и др. Все книги, принадлежавшие святому Тихону, тщательно хранятся в особом шкафу», — замечает Олейников.

Бережно сохранялись в Новоуглянке камилавка, четки, платок, также несколько крестов и параман, принадлежавшие св. Тихону и переданные монастырю иеромонахом Тихоном. В «особой витрине» посреди Софийского собора «среди частиц мощей разных угодников» для поклонения паломников выставлен был и «большой деревянный крест», пред которым совершал некогда келейную молитву святитель

Тихон.

«Хранятся в монастыре весы, полуразбитое зеркало, щеты, футляр для камилавки, которые приписываются принадлежавшими

Келейный крест святителя Тихона

св. Тихону», — уже без уверенности заключает рассказ о реликвиях Тихон Митрофанович.

Что же касается усманского «портрета святителя Тихона», то, судя по процитированной Олейниковым надписи на обороте его, «портретным» это изображение можно назвать условно. Сделано оно не с натуры. «Сей портрет преосвященного Епископа Тихона первого Воронежского и Елецкого на 55 году от его рождения с литографического писал живописец Иван Михайлов сын Королевский по распоряжению Толшевского монастыря для бывшего внука епископа Тихона келейного иеромонаха Тихона марта 21 дня 1788 г.». Святитель изображен «моложавым, с круглым лицом и маленькою проседью в бороде; в одной руке он держит раскрытую книгу, на двух страницах которой написано: "Сочинил сей о истинном христианстве, Сокровище от мира собираемое, наставление христианское и о взаимных должностях христианских, плоть и дух" и т. д.». С этого изображения, хранившегося в главном алтаре Софийского собора, после прославления святителя в 1861 году, была списана икона, «к которой обыкновенно прикладываются богомольцы».

Л. МОРЕВ

Христианская нравственность в раскрытии святителя Тихона Задонского

Иеромонах Николай (Павлык)

Часть 2

ГЛАВА I. ГРЕХ ПО УЧЕНИЮ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

ГОРДОСТЬ

Встречая в творениях святителя Тихона определения гордости, нельзя не заметить их преимущественную, по сравнению с определениями других страстей, близость к определениям греха в целом: гордость есть «начало и корень всякого греха» и сама «смертный грех», «язва, нанесенная врагом в грехопадении», «тяжкий недуг души» и одновременно «яд, умерщвляющий ее», «есть тьма душевная», «плод духа злобы», «путь широкий», и вообще «признак неисправной души». Свидетельствует эта близость в первую очередь о том, что гордость сама является грехом по преимуществу[1], почему и может быть названа им в собственном смысле слова. Говорит святитель и о едином их источнике. «Гордости начало есть диавол», которому человек гордостью же и порабощен.

Второй отличительной, в смысле опасности, особенностью гордости является ее глубокая сокровенность в сердце, почему святитель пишет и о «психологическом» начале (а равно и следствии) гордости – «незнании человеком самого себя», которое «ослепляет» его. Гордость «не допускает узнать и признать свое окаянство, и так остается человек и пребывает в бедности своей и окаянстве». Потому «нет ничего труднее гордости», и «с великой неудобностью и такожде не без помощи Божией побеждаем ее».

Опасна гордость и тем, что, подобно тщеславию, «всякую добродетель душевную погубляет, все житие наше нечистым сотворяя, хотя бы чистоту, девство, пост, молитву, милостыню и прочие добродетели творили», – цитирует святитель Тихон святого Иоанна Златоуста, раскрывая и причину этого: «Христиане, потерявшие веру во Христа, гордость как Бога почитают», почему «душе, болящей гордостью, невозможно видеть Божество».

На библейских примерах святитель показывает тот «конец, к которому гордость приводит: она высоко возносится, но весьма низко спадает (Лк. 18,10-14 и др.)»[2].

Гордый человек: 1) возвышает себя, «добро, какое имеет у себя, себе самому, своему тщанию и трудам, и своему разуму приписывает, а не Богу; высшим не покоряется, равным и нижним (низшим себя) не уступает; в словах и поступках надменность и пышность некую показует; славы, чести и похвалы всяким образом ищет; везде и всем ищет себя показать, безстыдно себя хвалит и возвышает, высоко себя и дела свои превозносит; хвалится и тем добром, которого не имеет; дела выше сил своих начинает, в чужие самовольно вмешивается; власти и родителям своим не покоряется, не повинуется», всегда желая «волю хотения своего поставить и утвердить»; 2) тяжело переносит свое уничиже-

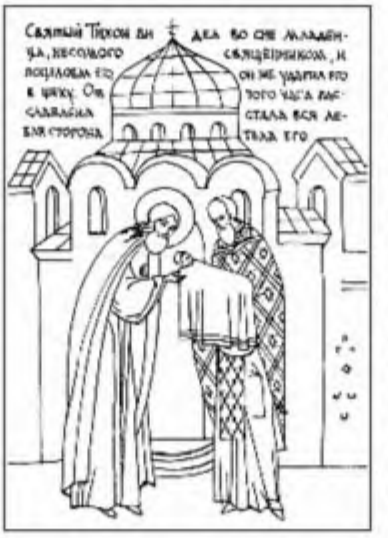
[1] Помимо сходства определений, еще и потому, что гордость, по согласному святоотеческому учению, является страстью, порождающей почти все другие, а немногие оставшиеся замещающая в ходе борьбы с ними.

[2] «Вознеслись и вынуждены были смириться наши прародители в раю; потомки Ноя – строители Вавилонской башни; Корей, Дафан и Авирон; Сеннахирим, царь ассирийский; Олаферн, Аман, Навуходоносор»; из Нового Завета святитель использует образы Капернаума и гордого фарисея).

ние и потому «недостатки и пороки свои весьма тщится скрывать; увещания, обличения, совета не приемлет; в презрении и незнаемости быть не терпит; сана, чести или начальства лишившись, ропщет, негодует, а часто и хулит; следственно, гордость гневлива, завистлива, нелюбительна, ненавистлива»; 3) склонен «других людей презирать и уничижать; дела их пересуживать, погрешности возвышать, хвалу уменьшать, и прочая».

Какие же средства предлагает святитель для уврачевания недуга гордости? Это размышление о «многих причинах», которые «нашу низлагают гордость. 1) Люди наипаче гордятся или ради чести и славы, или ради богатства, или ради разума, или ради крепости, или ради благородства. Но все сие перемене подлежит, и не суть наше, но Божие есть. Посему Богу дарующему подобает всякая хвала и честь, и благодарение, а человеку смиряться, дабы, что имеет, не отнято было ради гордости. 2) Низлагает гордость нашу рождение и воспитание наше, 3) нагота наша, 4) бедствия наши, 5) конец жития нашего, яко земля есмы и в землю пойдем. 6) Чем более Христа будем познавать и поминать, взирая на глубочайшее Сына Божия смирение, тем более свою подлость (низость) и окаянство будем узнавать, и так смиряться. 7) Бойся, – глаголет Василий Великий гордящемуся, – падения, подобного диаволу». Кроме того, отсекается гордость общими средствами борьбы с грехом, приводится же к смирению искушениями.

Благо той душе, которая, осознав себя зараженной плевелами гордости, не только не ропщет при попускаемых для ее уврачевания скорбях, но и сама ищет их, как самого действенного от своего недуга лекарства. Келейник святителя Тихона Василий Чеботарев в своих «Записках» упоминает о чрезмерной (как и сам святитель сознавал) его взыскательности к служившим ему, которые «таковаго лица пастырского боясь, отходили от него.» Видя это, святитель «начал просить и молить Бога, дабы посетил его какой-либо болезнью, да так удобнее мог бы он смиренномудрию и кротости обучиться, а посему и получил желаемое. Видит он раз в сонном видении, якобы входит он в церковь; навстречу к нему идет священник из алтаря царскими дверьми и на руках несет младенца, покрытого тонкой кисеей. Он, будучи привержен к младенцам любовью (каковых сам Христос принимал грядущих к Нему), сам подошел к оному мла-



денцу, лежащему на руках священника, и спрашивает его, как его звать? Священник отвечал: *Василий* (значащий с греч. *царя*). От любви к младенцам, отложив с лица его то белое покрывало, он поцеловал младенца в правую щеку; младенец же ударил его десной рукой по левой щеке, и так сильно, что от удара того он пробудился; встав, чувствует и видит у себя левую руку трясущуюся и ослабление левой ноги. Рассуждая знаменование виденного сна, благодарил он Бога за таковое отеческое посещение. От того времени начал он кротости и глубочайшему приобучаться смиренномудрию, и так научился оному, что и за правильный выговор последнему келейнику из простыхи грубых мужиков, повару, если увидит его оскорбившегося на него, кланялся, испрашивая прощения».

Коварство гордости заключается в том, что «кто от смертоносного сего зла начинает благодатью Божией уклоняться, сего другое злейшее зло сретает – духовная гордость и высокоумие», которое «фарисейские слова хотя вне и не произносит, однако же внутри сердца своего говорит: *несмь якоже прочии человецы*» (Лк. 18, 11). Так святитель разделяет гордость, склонную показывать себя вовне, сродную тщеславию, и фарисейство. Последнее «в тех наипаче обыкает гнездиться, которые много постятся, много дают милости, заключаются в монастыри, часто и много молятся, и прочая, по-видимому, не худые дела делать тщатся. Так бедному человеку везде сия ехидна приседити ищет ядом своим его умертвить».

Кроме того, что «гордость не токмо сама собой есть грех тяжкий и мерзкий», она, как было показано, «и других грехов причиной бывает. Ибо Бог, Который гордым противится, праведным судом от гордого благодать Свою отъемлет; сатана же к такому *дому, яко пометенному и украшенному, удобно приступает* (Мф. 12, 44). Потому человек, без благодати Божией оставшийся, яко немощный и ко всякому злу удобопреклонный, во всякий грех удобно падает».

О ближайших порождениях гордости теперь речь.

ЗАВИСТЬ, ГНЕВ, ЗЛОБА

«Зависть есть печаль о благополучии ближнего», – приводит святитель Тихон слова святого Василия Великого и, вспоминая Каина и старшего брата из притчи о блудном сыне, пишет: «Так зависть и братнее благополучие за свое вменяет неблагополучие».

Бедственна эта страсть: ослепленные ею «ничего здравого не видят: завистливый лучше желает претерпевать безконечные беды, нежели видеть ближнего своего в почтении, и так прежде самому себе, нежели тому, кому завидит, вредит». «Мучительная страсть! – восклицает святитель. – В прочих грехах какая-нибудь, хоть мнимая, сладость есть, а завистливый грешит и купно казнь приемлет, беззаконнует и мучится. Завистливый делает то, чего и демон не делает: демон завидит только человеку, а не демону, а человек человеку завидит». В тоже время зависть «собственный грех есть диаволов: диаволу бо печально и не-

сносно, что христиане спасаются и вечную получают славу, от которой он низринут в вечную погибель и безчестие».

Зависть есть грех особенно низменный. Она «и тем завидует, от которых благодеяние получает. Питай, одевай, защищай, обогащай, утешай завистливого, – пишет святитель, – ему то неприятно: понеже ты благополучен, тебя все любят, хвалят, почитают. Сие его уязвляет сердце, которого любовь и благодеяние твое исцелить не может, и дотоле уязвлять будет, доколе не увидит тебя в бедствии». Безумие это или крайнее нравственное падение – предлагается решить каждому.

Кроме общих средств борьбы с грехом, а именно с завистью святитель увещает: «отлагая» гордость[3]; «поучаясь в любви ближнего, ибо *любы не завидит*» (1 Кор. 13, 4); помня, что «в мире сем нет ничего великого и удивления достойного, и нет истинного блаженства, кроме вечного и небесного»: первое избавит от зависти к земному благополучию ближнего, как временному и потому неистинному, а память о втором и вовсе не позволит искать блаженства на земле, устремляя взор к Небесному. Наконец, «зависть и тех, которыми обладает, к бедственному приводит концу: вечному мучению повинными их творит, временному бедствию подвергает. Так, Каин стенает и трясется; Аман на древо, которое Мардохею готовил, вознесен погибает». Но и помимо этого, завистливый «внутрь снедается, мучится и терзается собственным мучителем».

Зависти нередко сопутствует гнев – «чувствование сердечной болезни, от обиды другого родившееся», порождение «безмерного самолюбия».

Гнев ослепляет, почему святитель советует: «берегись убо во гневе наказывать». Гнев и мучит одержимого им. «Смотри, – пишет святитель, – что во гневе человек делает: как негодует и шумит, клянет и ругает самого себя, терзает и биет, ударяет в главу и лицо свое, и, как в лихорадке, весь трясется: словом, подобен тогда является бесноватому». А что же «делается в бедной душе? Как ее бес мучит? Гнев бо, как буря, все сокрушает, или как огонь, все поядает».

Гнев, однако, не всегда есть зло. По мысли святителя, «истинно любящий Бога допускает гнев на грех, но не на согрешающего».

Будучи долго удерживаем и питаем в сердце, гнев превращается в злобу, гибельную прежде всего для самого человека. Находящийся в таком состоянии «не может приступать к Святой трапезе». Как и зависть, злоба мучительна. «Прочие грехи или корысть некую, или сладость согрешающему соделовают. Вор крадет, да душу свою насытит; блудник блудодействует, да плоти своей угодит; злобный без всего того злобится. Он грешит и мучится; беззаконнует и снедается; отмщевает и отмщение терпит. Ежели бы возможно было посмотреть в сердце злобного человека, то неиное что явилось бы там, как адское мучение. Откуда бывает, что люди злобные темнеют и иссыхают; злоба бо, как яд, снедает плоть их». Злоба так помрачает человека, что он начинает хвалиться своим беззаконием: «Вот я-де ему дам, пусть меня знает». Великое безумие хвалиться тем, о чем должно жалеть! Ближнему вред сделали; Закон Божий, святой и вечный, нарушили; Бога, Вседержителя великого и страшного прогневали; себя сатане записали и вечному мучению подвергли: и делом сим беззаконным хвалятся! Сей есть запах гнусный и мерзкий злобы: радоваться и хвалиться о повреждении и погибели других».

«Совершается» злоба «злословием и клеветой», «биением, отравой, отъятием здравия, имений и прочего», «ненавистью и гонением друзей того, на кого злоба питается», до «отъятия живота, на кого злобывает». Многие так ослеплены бывают злобой, что не стыдятся и хвалиться ею, а иные «сами себя погубить лучше изволяют, нежели мщение оставить». Часто эта погибель и постигает «самих злобствующих»: они тот «яд, который другим готовят, сами снедают; тем мечом, который на других обнажают, себя умерщвляют; и в тот ров, который другим искапывают, сами падают (Пс. 7, 16)».

Какие бы кто ни имел добродетели, «однако ж все погубляет злоба. Многие воздерживаются от пищи и пития, не едят мяса и рыбы, но от зависти и злобы нимало воздержаться не хотят; и какая из того польза, что тело не употребляет того, что не запрещено, но душа снедается тем, что под смертной казнью запрещено? *Всяк ненавидяй брата своего, человекоубийца есть* (1 Ин. 3, 15)».

«Злобные погубляют» и общество. «Ежели бы все друг другу мстили, – говорит святитель, – общество бы стоять не могло, ибо все бы друг друга погубили. От взаимной вражды следует взаимная злоба и мщение, а от мщения взаимная пагуба, как то на брани бывает. Кроткие же пользуют и сохраняют (мир) своим терпением».

Приведенные рассуждения, а также расчет практический: «оскорбления сделанного не возвратить, а мстить немалого труда требует, да и то, может быть, не удастся», – призваны, по мысли святителя, всякого, питающего злобу, убедить прекратить вражду и оставить планы мщения.

Утешает святитель и безвинно «терпящих от злобных». «Кто за Христом идет, – пишет он, – того злоба мира сего преследует. Благочестивой душе едино остается убежище – молитва святая, терпение, непоколебимое упование на Промыслителя Бога, пред Которым ничто не сокровенно».

> *...Зависть остановить можешь, если станешь сорадоваться радости того, кому завидуешь, и вместе с ним печалиться о том, о чем он печалится...*
>
> *Преподобный Максим Исповедник*

---

[3] По слову блаженного Августина, «зависть есть дочь гордости: умертви мать, и дочь ее погибнет».

ЮРОДИВЫЙ ГРИШКА

Рассказ

Всю свою сознательную детскую жизнь я сопротивлялся, как мог, родительскому желанию сделать из меня музыканта. И только поступив учиться в Духовную семинарию, с благодарностью вспомнил своих родителей. По окончании семинарии, женившись на протодиаконской дочке, я, к своей радости, получил место регента храма в г. N. и был этим счастлив, не помышляя о рукоположении в священники. Хотя тесть мой непрестанно пытался склонить меня к рукоположению, апеллируя к тому, что на зарплату регента я не смогу достойно содержать его единственную дочь. Городок наш был небольшой, примерно сто тысяч населения, но я все же сумел создать неплохой хор из педагогов местной музыкальной школы и даровитых любителей. По субботам я имел обыкновение до всенощного бдения прогуливаться по бульвару городского сквера, выходящего на небольшую набережную с причалом для парома. Вот так, прогуливаясь, я повстречал того, о ком будет мой рассказ.

Навстречу мне двигался босой, несмотря на октябрь, высокий лохматый человек. На нем прямо на голое тело был надет двубортный, изрядно поношенный пиджак, явно короткие в полоску брюки, вместо ремня подпоясанные бечевкой. Но озадачил меня в нем не столько его гардероб, сколько то, что он на ходу читал книгу, уткнувшись в нее почти носом. При этом он шел очень быстро, широко расставляя ноги. Я подумал: «Вот ненормальный, споткнется и упадет».

Поравнявшись со мной, он остановился. Не поворачивая ко мне головы, широко перекрестившись, громко воскликнул: «Верую двенадцатому стиху псалма». Потом повернулся ко мне, осклабившись в какой-то дурацкой улыбке, сквозь зубы засмеялся: «Гы-гы-гы» и, уткнувшись опять в свою книгу, быстро зашагал дальше. Растерявшись от такой выходки, я с недоумением долго смотрел ему вслед, пока он не скрылся за поворотом. «Сумасшедший какой-то», – подумал я и направился домой. Дома рассказал об этом случае жене. Она подробно расспросила, как выглядел тот странный человек, и сказала:

– Это наверняка Гришка юродивый. Три года назад он исчез из нашего города, поговаривали, что его посадили за тунеядство и бродяжничество, вот, наверное, вновь объявился.

– А что он имел в виду, говоря: «Верую в двенадцатый стих псалма»? – допытывался я у супруги.

Та пожала плечами:

– Господь его знает, юродивые и блаженные часто говорят загадками, но раз сказал, значит, что-то обозначает. Посмотри сам в Псалтири.

– Что же я там найду? Сто пятьдесят псалмов – и половина из них имеет двенадцатый стих, – и, махнув рукой, я направился в церковь ко всенощной.

По дороге в храм я размышлял:

– Ну какие юродивые в наше время? Просто больные люди. Да и раньше шарлатанов и ненормальных немало было.

Мой разум отказывался воспринимать подвиг юродства. Казалось, что этот вид святости – вне учения Нового Завета. Преподобные, святители, мученики, на мой взгляд, несомненно, являлись ярким свидетельством исполнения заповедей Господа и подражанием какой-то стороне Его служения, а юродство – что?

Придя на балкон, я стал раскладывать ноты по пюпитрам, готовиться к службе. Народ потихоньку заполнял храм. В это время я с высоты хоров увидел, как в храм зашел тот ненормальный босоногий человек. Он подошел к ближайшему подсвечнику, взяв с него только что поставленную горящую свечу, стал обходить с ней по периметру храма все иконы. Перед каждой иконой он останавливался по стойке «смирно», правой рукой с горящей свечой крестом осенял икону, затем четко, как солдат, поворачивался кругом и осенял горящей свечой пространство перед собой. Такие манипуляции он проделал перед каждой иконой, затем затушил свечу, сунул в карман своего пиджака. Эти странные действия со свечой подтвердили мое мнение о том, что передо мной – больной человек. Я пошел в алтарь, чтобы получить благословение у отца настоятеля перед службой и, не удержавшись, спросил его о юродивом Григории.

– А, Гришка опять появился, – как-то обрадованно воскликнул он, – мой сын когда-то у него учился.

– Как – учился? – опешил я.

– Да он не всегда такой был, раньше он был учителем литературы Григорием Александровичем Загориным. Но потом что-то с ним произошло, попал в «психушку». В школе поговаривали, что он на Достоевском свихнулся, стал ученикам на уроках о Боге, о бесах говорить. За уклонение от школьной программы его второно вызвали на разбор, а он и ляпнул им, что

Гоголь с Достоевским бесов гнали, а тот взял да во Льва Толстого вселился, а от него на Маяковского и других советских писателей перекинулся. Ну, ясное дело, его в «психушку» направили. Выйдя оттуда, он странничает по храмам.

– И что же, он босиком круглый год ходит?

– Нет, – засмеялся настоятель, но обувь надевает только тогда, когда выйдет приказ министра обороны о переходе на зимнюю форму одежды. Вычитает об этом в газете «Красная звезда» и обувается да одевается в какое-нибудь пальтишко.

Вечером, возвратившись от всенощной домой, я после ужина стал готовиться к воскресной Божественной литургии. Закончив разбираться с нотами, я открыл Псалтирь. В восьмидесяти пяти псалмах имелись двенадцатые стихи. Я прочитал их все, но так ничего и не понял.

– Да что же значит – веровать в двенадцатый стих псалма? Ерунда все это, – подумал я с раздражением и отложил Псалтирь.

Пока возился с Псалтирью, не заметил, как время перевалило за полночь. Так поздно ложиться я не привык, глаза уже слипались, поэтому не стал прочитывать «Молитвы на сон грядущим», а перекрестившись, сразу лег в постель. Уже лежа в постели, я прочитал молитву: «Господи, неужели мне одр сей гроб будет...» – и сразу заснул.

После литургии, выйдя на церковный двор, я увидел Гришку, окруженного прихожанами, и подошел полюбопытствовать, о чем они говорят. Гришка, который возвышался над прихожанами на целую голову, меня сразу заметил и осклабился в той же дурацкой улыбке.

– Гриша, – говорила ему одна пожилая женщина, – что мне делать? Сын пьет, с женой надумал разводиться. Помолись ты за него, может, Господь вразумит.

– Да как же я буду молиться, коли молитв не знаю? Мы с Лешкой только одну молитву знаем, – при этом он загадочно глянул на меня, – «Помилуй мя, Боже, на боку лежа», вот и все. Правда, Леха?

Все повернулись ко мне. Краска залила мое лицо, мне показалось, что не только Гришка, но все прихожане догадались, что я не читал вечерних молитв. В крайнем смущении, пробормотав что-то невнятное, я развернулся и быстро пошел к храму.

– Либо это чистая случайность, совпадение, – подумал я, – либо действительно Гришка обладает даром прозорливости, как о нем и говорят в народе.

На следующий день я решил повстречаться с Гришкой, чтобы выяснить для себя окончательно, кто он – больной психически человек или действительно юродивый, святой.

Но ни на следующий день, ни через неделю я Гришку не увидел. Сказали, что он куда-то ушел. Говорили, будто бы он имеет обыкновение проводить зиму в селе Образово у настоятеля отца Михаила Баженова. Этот приход у нас в епархии слыл самым бедным, в чем я вскоре и сам убедился. Как-то после Пасхи я поехал в Епархиальное управление за нотными сборниками и там вижу: стоит у дверей склада батюшка в пыльных кирзовых сапогах, в старом залатанном подряснике, поверх которого накинута вязаная серая безрукавка. Из-под выцветшей синей бархатной скуфьи выбивались неровные пряди темно-русых с проседью волос. Жиденькая бороденка обрамляла узкое, со впалыми щеками лицо, которое можно было бы назвать некрасивым, если бы не большие голубые глаза. За плечами висел обыкновенный мешок, перевязанный веревками по типу рюкзака. Батюшка стоял в сторонке, явно смущаясь своего вида и дожидаясь очереди на склад. Но только выходил один получивший товар, как подъезжал на машине какой-нибудь другой солидный протоиерей или церковный староста, и батюшка снова вжимался в стену, пропуская очередного получателя церковной утвари. Те проходили, даже не замечая его убогой фигуры. Меня это возмутило, и я, подойдя к батюшке, нарочито громко сказал, складывая руки: «Благослови, честной отче!»

Батюшка как-то испуганно глянул на меня и, быстро осенив крестным знамением, сунул мне для поцелуя свой нательный крест.

Я, поцеловав крестик, потянулся, чтобы взять его руку для поцелуя, как и полагается. Но он, спрятав ее за спину, смущенно улыбаясь, проговорил:

– Она у меня вся побитая и исцарапанная, я ведь крыши односельчанам крою, вот у меня руки и рабочие, недостойные, чтобы к ним прикладываться. – Зачем же вы крыши кроете, ведь вы же священник? – удивился я.

– Приход у нас небогатый, а храм большой, его содержать трудно, да и прокормиться – деток-то у меня семеро.

Тут я, увидев, что на склад в это время хочет пройти другой священник, подойдя к нему под благословение, сказал:

– Простите, отче, сейчас очередь этого батюшки.

Тот, недовольно глянув на свои часы, пробормотал:

– Ради Бога, я не против, хотя очень спешу.

Батюшка на удивление очень быстро вышел со склада, неся только одну пачку свечей. Подойдя ко мне, он спросил:

– Как ваше святое имя, чтобы помянуть в молитве?

– Меня зовут Алексием, а вас, батюшка, как звать и где вы служите?

– Недостойный иерей Михаил Баженов, а служу я в селе Образово, в трех днях ходьбы отсюда.

– Так вы что же, туда пешком ходите? – воскликнул я. – Ну машины нет – это понятно, велосипед бы купили.

– Что вы, на велосипед еще заработать надо, это мне не по карману. И на автобус билет надо купить, а это тоже денег немалых стоит.

– Да, кстати, отец Михаил, скажите мне, пожалуйста, юродивый Гришка у вас находится?

– Зимовал у меня, а сейчас, после Пасхи, ушел.

– А что, он действительно юродивый или притворяется?

– Что вы, Алексий, как можно так думать! Григорий – святой человек, в этом даже сомневаться грех. Он у нас около храма источник с целительной водой открыл.

– Как то есть открыл?

– Это давно было, лет десять назад. Я его тогда еще не знал, и он к нам первый раз пришел. Заходит ко мне во двор и говорит:

– Дай-ка мне, поп Мишка, воды попить.

Я сразу смекнул, что юродивый передо мной стоит: кто еще меня «поп Мишка» будет называть? Прихожане отцом Михаилом зовут, а нецерков-

ные люди – Михаилом Степановичем. Я вынес ему ковшик воды и в дом на чай пригласил. Но он пить не стал:

– Плохая у тебя вода, – говорит, – а на чай тем более не годится. Давай лопату мне, да поживей, я пить сильно хочу.

Я удивился, конечно, но лопату вынес. Он походил с лопатой вокруг храма, потом воткнул ее в одном месте и говорит:

– Копай, Мишка, здесь будем сокровище с тобой искать. Ты покопай, а я посижу рядом, а то пока искал, утомился очень.

Я даже и перечить не подумал, раз юродивый говорит, значит, что-нибудь там найдем. Пока я копал, он рядом на травке лежит, только подбадривает меня:

– Копай-копай, Мишка, найдешь золотишко.

Выкопал я больше своего роста, день уж к вечеру клонится. Матушка несколько раз подходила, беспокоится, чего это я делаю. Уж совсем стемнело. Гришка мне говорит:

– Хватит копать, уж пора спать.

Хотя я ничего не нашел, но, думаю, не зря копал, наверное, в этом какой-то смысл есть, мне еще не понятный. Пригласил с собой в дом Григория на ужин. Тот говорит:

– Ужин мне не нужен, дай краюху хлеба.

В дом тоже не пошел.

– Я, – говорит, – здесь, среди тварей безсловесных заночую.

Утром я проснулся, пошел к яме, а она – полная воды. Да такая вкусная вода, прямо сладкая, как мед. Стало быть, мы до источника святого с Григорием докопались. Теперь сами судите, Алексий, настоящий он юродивый или обманщик.

Мы распрощались с отцом Михаилом, я дал обещание приехать к нему летом, когда будет отпуск, на его престольный праздник – Казанской иконы Божией Матери.

Обычно я уходил в отпуск после Петрова дня, так как в это же время брал отпуск наш настоятель. Здоровье мое, несмотря на молодые годы, оставляло желать лучшего. Я с рождения страдал сердечной недостаточностью. Но в этом году как-то все обострилось, и супруга моя настоятельно потребовала, чтобы я поехал на курорт, в кардиологическую больницу, укрепить свое здоровье. Мне же очень хотелось съездить в Питер, чтобы там в библиотеке семинарии переписать для хора новые партитуры да и повстречаться с друзьями времен моей студенческой юности. Но, уступая настоянию своей жены, я согласился ехать на курорт, взяв с нее обещание, что на следующий год, если будем живы, то поедем непременно в Питер. После службы на праздник Первоверховных апостолов Петра и Павла я зашел в нашу церковную бухгалтерию, чтобы получить зарплату и отпускные деньги. А когда вышел из бухгалтерии, увидел во дворе Гришку, как всегда окруженного прихожанами. Увидев меня, он разулыбался и, безцеремонно растолкав бабушек, направился ко мне:

– Ну, Леха, ты – человек грамотный, растолкуй мне про эту тетку, что все свое имение на врачей растратила, а вылечиться так и не вылечилась.

– Какую тетку? – удивился я.

– Ну ту самую, о которой в Евангелии написано.

– А-а, – протянул я, когда до меня дошло, о каком евангельском эпизоде говорит Гришка, – а что там растолковывать, у земных врачей вылечиться не смогла, а прикоснулась к Христовым одеждам – и вылечилась.

– Вот-вот, правильно говоришь, только прикоснулась; некоторым бы тоже не мешало прикоснуться. А этим, на которых мы имение тратим, Господь сказал: «Врачу, исцелися сам». Вот оно как получается, Леха. Так что айда с тобой вместе прикасаться.

Сердце мое радостно забилось, я сразу поверил, что никакие врачи и никакие курорты мне не нужны. При этом поверил: пойду с Гришкой – и обязательно исцелюсь. Даже не спрашивая, куда надо идти, я воскликнул:

– Пойдемте, Григорий Александрович.

Гришка стал испуганно оглядываться кругом:

– Это ты кого, Леха, кличешь? Какого Григория Александровича? Его здесь нет.

Потом, нагнувшись к моему уху, прошептал:

– Я тебе только, Леха, по большому секрету скажу. Григорий Александрович помер. Да не своей смертью, – он еще раз оглянулся кругом и опять зашептал мне на ухо: – это я его убил, только ты никому не говори, а то меня опять в милицию заберут и посадят.

Я с удивлением посмотрел на Гришку, подумав:

– Неужели действительно душевнобольной?

– Да-да, Леха, не сомневайся, заберут и посадят, у них за этим дело не станет, – он засмеялся, – гы-гы-гы.

Когда он смеялся, я внимательно смотрел на него, и меня поразило, что в его глазах я не увидел веселья, которое должно было, по сути, сопровождать смех. Нет, в глазах его была печаль, даже я бы сказал – какая-то скорбь. И тогда я вдруг понял, что это не смех слабоумного человека, а рыдания того, кто видит страшную наготу действительности, сокрытую от «мудрых века сего».

– Ну так как теперь, Леха, когда ты узнал правду, пойдешь со мной или передумал? – и он, сощурив глаза, продолжая гыгыкать, смотрел на меня, ожидая ответа.

Я стоял в растерянности и не знал, что ответить. Но потом все же решительно сказал:

– Не передумал, пойду.

– Вот и хорошо, через пять деньков раненько приходи к церкви. Путь неблизок.

Тогда я вдруг решил спросить:

– А куда мы пойдем?

– Куда пойдем, говоришь? Сам ведь обещал, а теперь забыл, небось? К попу Мишке пойдем, он тебя ждет.

Тут я вспомнил про свое обещание отцу Михаилу посетить в отпуск его храм в селе Образово и устыдился: ведь действительно забыл. Узнав о том, что я не собираюсь ехать в санаторий, а еду с Гришкой в Образово, супруга вначале огорчилась, но, подумав, решила, что это даже лучше. Разближенный обещает исцеление, то так, наверное, и будет.

Встали рано, и жена собрала мне в дорогу вещи и продукты. Увидев меня, загруженного сумками, Гришка почесал затылок.

– Куда же ты, Леха, собрался с таким скарбом? За Христом так не ходят. Он ведь налегке с апостолами ходил.

– Тут, Гриша, все самое необходимое в дорогу, ведь не на один же день едем.

– Кто тебе сказал, что едем? Мы туда, Леха, пешим ходом, три дня нам идти.

– Как, – удивился я, – мы разве пойдем пешком? Ведь это восемьдесят с лишним километров.

– Господь пешком ходил и апостолы – пешком. Сказано ведь: «Идите в мир и научите все народы». Если бы Он сказал: «Поезжайте на колесницах,» – тогда другое дело. А раз сказал: «Идите», – значит, мы должны идти, а не ехать.

– Ладно, – сказал я, – раз такое дело, оставлю часть.

– Нет, Леха, часть за собою целое тащит. Надо все оставить и идти.

– А чем будем питаться в дороге? – недоумевая.

– Сухарик – вот дорожная пища, он легкий, нести сподручно. А воды кругом много. Что еще нам надо? Поклажу свою вон человеку отдай, – указал он на подошедшего к калитке бомжа, который с утра пораньше пришел занять место для собирания милостыни.

Я безропотно исполнил совет Гришки и обе сумки отдал бомжу. Тот, обрадовавшись, схватил их и убежал, боясь, что могут снова отнять такой щедрый дар.

– Вот теперь пойдем все вчетвером, – обрадованно воскликнул Гришка и быстро зашагал по улице. Я последовал за ним. Когда вышли за город и двинулись по сельской грунтовой дороге, решил спросить Гришку напрямик, что он имел в виду, когда сказал: «Пойдем все вчетвером».

– Ну а как же мы пойдем без самых близких своих друзей? Без них никуда.

– Каких друзей? – удивленно спросил я.

– Как – каких? Каждому дает Бог Ангела Хранителя, это, Леха, друг на всю жизнь.

– Ах, вон оно что – тогда нас, значит, не четверо, а шестеро. Ведь сатана тоже приставляет к каждому человеку падшего ангела-искусителя.

– Нет, Леха, они любят не пешком ходить, а с комфортом ездить на автомобилях, особенно на дорогих, или в поездах – тут они больше уважают мягкие места в купе. А пешком они ходить не любят, быстро утомляются. А если человек к Богу идет, они этого вовсе не переносят. Потому я их все время мучаю тем, что пешком везде хожу. Так, за разговором об Ангелах и бесах, мы прошли километров пятнадцать, и я уже стал притомляться.

Когда мы вышли к небольшой речке, Гриша сказал:

– Вот, Леха, здесь отдохнем и пообедаем.

Мы присели на берегу, в тени раскидистой ивы. Гришка достал из своего заплечного мешка две кружки и велел мне принести воды из речки. Когда я вернулся, он уже разложил на чистую тряпку сухари. Мы пропели молитву «Отче наш» и стали есть, размачивая сухари в воде. Когда поели, Гришка аккуратно стряхнул крошки, оставшиеся на тряпке, себе в рот и, объявив сонный час, тут же лег на траву и захрапел. Я тоже пытался уснуть, но не мог: комары меня буквально заели. Гришка при этом спал совершенно спокойно, будто его и не кусали эти кровопийцы. Проснувшись через час, он, позевывая и мелко крестя рот, сказал:

– Ну что, Леха, спал ты, я вижу, плохо. К вечеру, даст Бог, дойдем до деревни, там поспишь.

Когда мы снова тронулись в путь, я его спросил:

– Гришка, ты не знаешь, чем комары в раю питались, до грехопадения человека? То, что животные друг друга не ели, это понятно. У нас дома кошка картошку за милую душу лопает. Так что я могу представить себе тигра, жующего какой-нибудь фрукт. Но вот чем комары питались, мне не понятно.

– Вижу, плохо вас, Леха, в семинариях духовных обучали, раз ты не знаешь, чем комары в раю питались.

– А ты знаешь?

– Конечно, знаю, – даже как бы удивляясь моему сомнению, ответил Гришка. – Комарик – эта тончайшая Божия тварь, подобно пчеле, питалась нектаром с райских цветов. Но не со всех, а только с тех, которые Господь посадил в раю специально для комаров и другой подобной мошкары. Это были дивные красные цветы, которые издавали чудный аромат, подобный ливанскому ладану, но еще более утонченный. Бутоны этих цветов были всегда наполнены божественным нектаром. И вся мошкара, напившись нектара, летала по райскому саду, издавая мелодичные звуки, которые сливались в общую комариную симфонию, воспевающую Бога и красоту созданного Им мира. Но после грехопадения человека райский сад был потерян не только для него, но и для всей твари. Бедные, несчастные, голодные комарики долго летали над землей в поисках райских цветов, но не находили их. Наконец они прилетели к тому месту, где Каин убил своего братца Авеля. А кругом на месте этого злодеяния были разбрызганы алые капли крови. И комарики подумали: «Вот они, эти райские цветы». И выпили эту кровь. Но через некоторое время они вновь жаждали пить кровь человеческую, и кинулись комарики на Каина, и стали его кусать и пить его кровь. И побежал Каин куда глаза глядят. Но не мог убежать от комаров и мошкары. И возненавидел Каин комаров, а комары и прочая мошкара возненавидели человека.

– Откуда ты взял эту историю? Об этом нигде не написано.

– Если бы, Леха, обо всем писали, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг.

– Ну а все-таки, от кого ты слыхал об этом?

– Я не слыхал, Леха, я сам догадался, что так именно и было.

К вечеру мы дошли до какой-то деревни, и Гришка, подойдя к одной избе, уверенно постучал в окошко. Занавески приоткрылись, а вскоре нам навстречу выбежала пожилая женщина и радостно заголосила:

– Гришенька, Гришенька к нам пришел, ну наконец-то, мы уже заждались! Проходите, проходите, гости дорогие!

После ужина Гришка распорядился:

– Ты вот что, Анька, Лехе постели в горнице, он – человек измученный, ему культурный отдых нужен, нам завтра опять в путь. А мне здесь у тебя тесно, пойду на сеновал, послушаю, о чем звезды на небе сплетничают.

– Ой, Гришенька, послушай да нам, глупым, расскажи, – сказала на полном серьезе Анна Васильевна, хозяйка дома, где мы остановились.

– Коли бы я умней вас, глупых, был, то, может, что-то и рассказал. А то ведь я слышать-то слышу, а передать на словах не умею, ума не хватает.

Третий день пути оказался для меня самым тяжелым. Я натер ноги до кровавых мозолей. Снял ботинки, пошел босиком по пыльной сельской дороге – стало гораздо легче. Но бедное мое сердце: оно, по-видимому, не выдержало такой нагрузки. Воздух перед моим взором вдруг задрожал и сгустился. Голос Гришки стал каким-то далеким. Перед глазами поплыли круги, а затем вдруг все потемнело, и я провалился в эту темноту. Очнувшись, открыл глаза и увидел, что лежу на траве. Невдалеке от меня я услышал Гришкин голос, который с кем-то спорил и о чем-то просил:

– Нет, возьми вместо него меня, – говорил Гришка, – ему еще рано, а я уж давно жду. Нет, так нельзя, Гришку возьми, а Леху оставь. Лешку оставь, а меня возьми вместо него.

Я понял, что разговор идет обо мне, и повернулся к Григорию. Тот стоял на коленях, крестился после каждой фразы, преклонялся лбом до земли. Я догадался, что это он так молится за меня.

– Гриша, – позвал я, – что со мной было?

– Спать разлегся так, что не добудишься тебя, и еще спрашиваешь, что было. Пойдем, хватит лежать, уже немного осталось.

Я поднялся с земли, и мы пошли дальше. Я шел в полной уверенности, что молитва Гришки спасла мне жизнь. Только вот что означает:

«Гришку возьми, а Леху оставь», я не мог сообразить.

К селу Образово подошли уже к вечеру третьего дня пути. Я видел, как вся семья отца Михаила искренне радуется Гришкиному приходу. Меня они тоже встретили с радушием и любовью. Поужинали картошкой в мундире с солеными огурцами и помидорами. Гришка с нами за стол не сел, а взяв только две картофелины, ушел. – Он никогда с нами за стол не садится, – пояснил мне отец Михаил после его ухода, – сколько его ни уговаривал, у него один ответ: «За стол легко садиться, да трудно вставать, а я трудностей ой как боюсь».

Утром я проснулся, когда солнце уже взошло высоко. Матушка предложила чаю. Когда я спросил, где отец Михаил, она сказала:

– Да вы садитесь, его не ждите, он никогда не завтракает. Сейчас ушел в сарай – клетки для кроликов мастерить.

– А где Гришка ночевал? – спросил я.

– Он всегда на чердаке ночует, в своем гробу спит.

– Как это – в гробу? – удивился я.

– Да, видать, вычитал, что некоторые подвижники в гробах спали, чтобы постоянно помнить о своем смертном часе и быть к нему готовыми, вот сам выстругал себе гроб и спит в нем.

Вечером мы все пошли на всенощное бдение в честь праздника Казанской иконы Божией Матери. Я помогал матушке петь на клиросе, а Гришка стоял недалеко от входа в храм по стойке «смирно», лишь изредка осеняя себя крестным знамением. Делал он это очень медленно: приставит три пальца ко лбу и держит, что-то шепча про себя, потом – к животу в районе пупка и опять держит и шепчет, затем таким же образом на правое плечо и левое. Когда запели «Ныне отпущаеши...», он встал на колени. На следующий день за Божественной литургией Гришка причастился. Когда после службы пришли домой, Гришка сел вместе с нами за стол, чему были немало удивлены и обрадованы отец Михаил с матушкой. Правда, ничего он есть не стал, кроме просфорки, и попил водички из источника. Гришка сидел за столом, радостно глядел на нас и улыбался:

– А у меня сегодня день рождения, – вдруг неожиданно заявил он.

Отец Михаил с матушкой растерянно переглянулись.

– У тебя же день рождения в январе, – робко заметил отец Михаил.

– Ну да, – согласился Гришка, – появился на свет я в январе, а сегодня у меня будет настоящий день рождения.

Все мы заулыбались и стали поздравлять Григория, поддерживая шутку, за которой, мы не сомневались, скрывается какой-то смысл.

– Ну я пойду полежу перед дальней дорогой, – сказал Гришка после обеда.

– Куда же ты, Гриша, уходишь? – спросил отец Михаил.

– Эх, Мишка, хороший ты человек, да уж больно любопытный. Ничего тебе не скажу, сам скоро узнаешь, куда я ушел.

Отца Михаила ответ вполне удовлетворил:

– Ну что ж, иди, Гриша, куда хочешь, только возвращайся, мы тебя ждать будем.

– Я тоже буду вас ждать, – сказал Гришка и ушел к себе на чердак.

До вечера он с чердака так и не явился. Но когда Гришка не пришел на следующий день, отец Михаил забеспокоился и решил проведать Григория. С чердака он спустился весь бледный и взволнованный:

– Ушел Гришка от нас навсегда, – сказал он упавшим голосом.

– С чего ты решил, что он навсегда ушел? – вопросила матушка. – Он что, записку оставил?

– Нет, матушка, он здесь свое тело оставил, а душа ушла в вечные селения, – и отец Михаил широко перекрестился. – Царство ему Небесное и во блаженном успении вечный покой.

Гроб с его телом мы спустили с чердака и перенесли в храм.

Отец Михаил отслужил панихиду. На завтра наметили отпевание и погребение. А ночью решили попеременно читать Псалтирь над гробом.

Вечером с отцом Михаилом мы сидели у гроба Григория, а матушка готовила поминки дома. Григорий лежал в гробу в своем стареньком двубортном пиджаке на голое тело и в заплатанных коротких брюках, из которых торчали босые ноги. Перед тем как нести Григория в церковь, я предлагал отцу Михаилу переодеть его.

– Что ты, – замахал тот руками, – он мне сам наказывал, как помрет, чтобы его не переодевали: «Это, – говорит, – мои ризы драгоценные, в костюме я буду походить на покойника Григория Александровича». – А ведь, думаю, он знал о своей смерти, когда говорил за обедом, что пойдет далеко.

– Он знал об этом, еще когда к вам шел, это ведь он за меня умер. У меня сердце в дороге прихватило, а он молился: «Возьми лучше Гришку, а Лешку оставь». Я тогда не понял, о чем он просит.

– Вот оно, какое дерзновение имеют блаженные люди, – вздохнул отец Михаил, – а мы, грешные, все суетимся, все чего-то нам надо. А человеку на самом деле мало чего надо на этом свете.

Первым остался читать Псалтирь я. Когда стал произносить кафизмы, то почувствовал необыкновенную легкость. Голос мой радостно и звонко раздавался в храме.

Ощущения смерти вовсе не было. Я чувствовал, что Гришка стоит рядом со мной и молится, широко и неторопливо осеняя себя крестным знамением. Мне вдруг припомнилось, как увидел Гришку в первый раз, читающего на ходу книгу. Эти воспоминания ворвались в мою душу, когда я читал девяностый псалом: «На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою», – это был двенадцатый стих.

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ АГАФОНОВ
«ОТШЕЛЬНИК ПОНЕВОЛЕ»

Христианская поэзия

ПУТЬ

У каждого из нас свой крест, своя голгофа,
И грех роптать на свой удел.
А коль исторгнешь вопль, что временами плохо,
Ответит глас с Небес: «Не ты ль того хотел?»

Да, Отче, вознестись я захотел превыше
Всех прелестей земных (мирская слава – тлен!),
Не вспомнив о враге, что яростию пышет
И сонмы душ влечёт в свой жуткий плен.

Как горестна порой минута в том пути,
Что от вершины до вершины нас ведёт
Среди житейских волн морской равнины!
Не знаешь иногда –
То ли в родной свой порт уверенно идёт,
То ли дрейфует в темноте –
Корабль души, замёрзнувший во льдине?

В. С. Жиляков, г. Чаплыгин

ВРЕМЕНА ГОДА: ОСЕНЬ

К престолам тщетных упований
Я тщетно возносил цветы
Своих надежд земных – исканий
Венцов нетленной красоты.
А ныне, Богу помолившись,
На одр возлягу и засну;
В виденьи чудном, изумившись,
Узрю грядущую весну.
Зима скорбей, весна печалей,
Да лето праведных трудов –
Лишь осень радостно венчает
Блаженной тяжестью плодов
Все годы наши, юность нашу
И зрелости нелёгкий крест:
До дна испив земную чашу,
Душой бежим привычных мест –
Отчизны Горней призыванья
Сильнее всё тревожит глас,
И верим, что за все страданья
Там уготована для нас
Взамен юдоли сей постылой
Обитель вечной чистоты,
Где перестанем мы уныло
Алкать небесной лепоты!

В. С. Жиляков, г. Чаплыгин

ЦАРСКАЯ ОДЕЖДА

Преподобный Маркиан пресвитер с особенным благоговейным чувством почитал святую мученицу Анастасию, в честь которой устроил церковь, где и пожелал поместить ее честные мощи. Для этого он пригласил патриарха Геннадия, духовенство и множество народа.

Когда шествие со святыми мощами началось и Маркиан шел в передних рядах, к нему подошел нищий и попросил милостыню. У преподобного не было денег, но отпустить нищего без подаяния – было не в его обычае. Он отозвал нищего в сторону, скрывшись с ним от народа на минуту, снял с себя единственную одежду, отдал ее, а сам, оставшись в одном церковном облачении, стал снова в ряды священников и продолжал шествие. Поступка его никто не заметил.

Окончилось шествие. Святые мощи были с подобающей честью поставлены на определенное место. Стали служить Божественную литургию; Маркиан был в числе служащих. После причащения Святых Таин пресвитеры приступили к омовению уст и рук. Тут был и Маркиан, который, стараясь скрыть недостаток в одежде, озирался на окружающих и оправлял на себе ризу. Между тем сослужащие Маркиану не только не замечали его наготы, но напротив, им даже казалось, что под ризой у него царская одежда, украшенная чудными самоцветными каменьями и золотом. Это многих соблазнило и смутило. Доложили патриарху.

– Да я и сам видел, – сказал святитель, – тоже, что вы видели на нем!

Когда служба совершенно кончилась, патриарх подозвал к себе Маркиана и сказал ему:

– Поступаешь вопреки закону, брат! Ну, прилично ли было тебе литургисать[1] в одежде царской?

Преподобный со смирением пал к ногам святителя и воскликнул:

– Прости меня, владыко, я не виновен в этом!

– Да мы все видели тебя в царской одежде, – продолжал патриарх, – зачем запираешься?

Но в это время кто-то из присутствующих открыл ризу преподобного, и все увидели тело его без всякой одежды! Святой Маркиан и сам был несказанно поражен всем происшедшим и не мог далее скрывать бывшего с ним на пути во время шествия.

Тут все убедились, что чудесная царская одежда, прикрывавшая во время богослужения тело преподобного Маркиана, была не что иное, как знак особенной любви Божией к Своему милостивому рабу.

Впоследствии преподобный Маркиан удостоен был от Бога и других великих милостей за свою любовь к бедным и несчастным: он имел дар чудотворений, изгонял бесов, исцелял больных и даже воскрешал мертвых!

Священник Петр Поляков
«ПРОЛОГ»

[1] Литургисать – совершать литургию – богослужение, во время которого верующие причащаются Святых Даров.